

АЛЕКСАНДР МАХЛАЮК
АНДРЕЙ НЕГИН

РИМСКИЕ ЛЕГИОНЫ

САМАЯ ПОЛНАЯ
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Лучшие воины в истории

Александр Махлаюк

**Римские легионы. Самая
полная иллюстрированная
энциклопедия**

«Яуза»

2018

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)32

Махлаюк А. В.

Римские легионы. Самая полная иллюстрированная энциклопедия / А. В. Махлаюк — «Яуза», 2018 — (Лучшие воины в истории)

ISBN 978-5-04-089212-9

Они завоевали для Римской империи полмира. Они пронесли римских орлов от Британии до Персидского залива и от Африки до Рейна и Дуная. Они были становым хребтом величайшего государства Древнего мира. Римские легионы по праву считаются самой мощной, совершенной и эффективной боевой машиной своего времени, по многим параметрам не превзойденной до XVIII века нашей эры. Феноменально дисциплинированные и организованные, великолепно обученные, вооруженные по последнему слову техники, они не знали себе равных более полутысячи лет – недаром сами римляне приписывали создание легионов не только человеческому разуму, но и «Божественному провидению». Боевое расписание и тактика, вооружение и боевое применение, редкие поражения и знаковые победы – в этой книге, беспрецедентной по глубине и охвату материала, история римских легионов предстает во всем ее величии. Эта иллюстрированная энциклопедия – лучшее на сегодняшний день исследование военного дела Римской империи на пике ее могущества.

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)32

ISBN 978-5-04-089212-9

© Махлаюк А. В., 2018

© Яуза, 2018

Содержание

Предисловие	7
Глава 1	10
Глава 2	25
Глава 3	39
Глава 4	49
Глава 5	71
Глава 6	86
Конец ознакомительного фрагмента.	96

**Александр Валентинович
Махлаюк, Андрей Негин
Римские легионы. Самая полная
иллюстрированная энциклопедия**

© Махлаюк А.В., Негин А.Е., 2018

© ООО «Издательство «Яуза», 2018

© ООО «Издательство «Якорь», 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Предисловие

О войнах Древнего Рима, об отдельных сражениях и кампаниях написано необозримое количество исследовательских работ и научно-популярных книг. В настоящее время заинтересованный читатель немало может прочесть и на русском языке. Однако интерес к военной истории Рима не ослабевает. Различные ее аспекты интенсивно изучаются специалистами, которые обращаются к новым темам и вопросам, предлагают новые подходы. Благодаря активным археологическим изысканиям и открытию новых надписей постоянно пополняются данные о размещении вооруженных сил на территории Римской державы, о повседневной жизни римских военных, об их вооружении. Современные знания о римской армии гораздо полнее и разностороннее, чем 50 или даже 20 лет назад. Остаются и нерешенные или спорные проблемы, по которым идут оживленные дискуссии, опровергаются старые и высказываются новые точки зрения.

Этот широкий научный и общественный интерес к истории римской армии отнюдь не случаен. Римляне действительно создали самую эффективную военную машину в истории Древнего мира, которая по многим своим параметрам оставалась непревзойденной и в последующие эпохи, вплоть до XVIII в. Ядро же римской военной организации всегда составляли легионы – воинские формирования, универсально приспособленные для различных видов боя. По словам позднеримского писателя, автора «Краткого изложения военного дела» Вегеция, устройство легиона было делом не только рук человеческих, но и божественного провидения (II. 21). Пожалуй, еще большее восхищение вызывали дисциплина, выучка и грозная боевая мощь римских легионов у представителей неримских народов. Еврейский историк Иосиф Флавий, на собственном опыте узнавший всю силу императорской армии, писал в I в. н. э., что «повиновение вышестоящим столь беспрекословно, что в мирное время оно является украшением римлян, а в бою превращает войско в единое тело – столь целен и гибок их строй, столь остр слух на приказания, а зрение на подаваемые знаки, столь готовы их руки к деятельности. Оттого-то они всегда легки на победу и тяжелы на поражение и никогда не были побеждаемы ни численным превосходством, ни искусством, ни неблагоприятными условиями, ни даже судьбой...» (Иудейская война. III. 5. 7).

Своего наибольшего расцвета и высшего уровня профессионализма римская армия достигла в эпоху Ранней империи, то есть в период времени от установления единоличной власти Октавиана Августа (30 г. до н. э. – 14 г. н. э.) до первых десятилетий III в. н. э. Именно Октавиан, внучатый племянник и наследник Цезаря, вышел победителем в той череде гражданских войн, что положили конец Римской республике, и создал основы того государственно-политического устройства, которое без существенных изменений просуществовало более 250 лет. Историки называют эту форму правления принципатом (от принятого Октавианом титула «принцепс», означающего «первенствующий, первый государственный деятель»), чтобы подчеркнуть своеобразие новой системы власти, являвшейся монархической по сути, но при этом сохранявшей многие элементы и традиции республиканского строя. С именем первого принцепса связано и окончательное утверждение профессионального характера армии, новой системы размещения вооруженных сил на территории державы, упорядочение сроков и условий службы, порядка чинопроизводства, размеров жалования военным, различных юридических льгот и ограничений, премий и привилегий ветеранов. Вместе с тем многие организационные структуры, тактические построения, вооружение, старинные традиции воинской дисциплины и взаимоотношений военачальников и подчиненных сохранялись в императорской армии. Август не стал менять тех принципов римского военного искусства, которые сложились в предшествующие времена и

достигли зрелости в деятельности таких прославленных полководцев, как Сципионы, Гай Марий, Корнелий Сулла, Гней Помпей, Юлий Цезарь.

При Августе продолжился и процесс широких завоеваний, которым был отмечен период Республики. Новые завоевательные войны, хотя и в меньших масштабах, велись и последующими императорами. Несмотря на провозглашение «Римского (или Августова) мира», Империи приходилось иметь дело и с отражением варварских нападений извне, и с подавлением разбойников и мятежников внутри. Так что императорским легионам и другим частям римской армии достаточно часто случалось применять оружие в больших и малых военных кампаниях. Иногда военная машина Империи давала сбои, римские войска терпели тяжкие поражения и несли серьезные потери. Однако в целом вооруженные силы Римской державы успешно справлялись со своими задачами, служа опорой императорской власти, охраняя рубежи от внешних угроз и поддерживая внутренний порядок.

Главным предметом данной книги будет римская армия первых трех столетий нашей эры. В конце III – начале IV в. н. э. преобразования императоров Диоклетиана и Константина Великого, ставшие ответом на глубокий кризис Римской державы и новую стратегическую ситуацию, открыли следующую, принципиально иную эпоху как в военной стратегии, так и в порядке комплектования и организации армии. Классический римский легион перестал существовать как таковой. Но это, как говорится, совсем другая история.

Для того чтобы получить разностороннее представление о том, как действовала эта могучая военная машина в свою классическую пору, нельзя ограничиться только описанием вооружения, структуры и тактики легионов. Любая война представляет собой исключительно сложное явление. Ее цели, характер и ход определяются многими факторами: политическим устройством и географическим расположением вовлеченных в конфликт государств и народов, их экономическим потенциалом, уровнем развития военного искусства и состоянием военной организации, идеологическими установками и традициями общества, субъективными мотивами правителей, интересами правящих элит и настроениями различных общественных групп, в том числе самих солдат. Боевое применение войск является главным средством достижения целей войны, но вместе с тем – результатом взаимодействия множества самых разнообразных факторов и процессов. К ним можно отнести боевую и психологическую подготовку войск, их «техническое» оснащение, проведение разведки, планирование операций, систему управления и взаимодействия различных сил и средств, проведение маршей и маневрирования на театре военных действий, организацию снабжения армии необходимыми припасами и т. д. Нужно помнить, что любое генеральное сражение или небольшое боестолкновение, осада или оборона того или иного укрепленного пункта имеют свою «механику», которая складывается не только из абстрактных тактических схем, отражаемых на штабных картах. В сражении действуют живые люди, занимающие разные места в армейской иерархии и боевых порядках, имеющие свои задачи и функции. Поэтому для понимания реальных механизмов боя важно увидеть не столько общую панорамную картину перемещения войсковых частей и подразделений, но также обратить пристальное внимание на то, что, как и почему делают на поле сражения и в разных его фазах отдельные звенья военной машины и, главное, сами конкретные индивиды, ее составляющие, – от рядового бойца до полководца. И здесь мы выходим на круг вопросов, относящихся, с одной стороны, к сугубо «техническим» и внешним реалиям битвы (какое оружие и как применяется, каковы его поражающие возможности, как подаются сигналы, совершаются перестроения и т. д.), а с другой – к психологии сражающихся (что заставляет их сражаться и жертвовать собой, преодолевая естественный страх смерти, как строятся взаимоотношения бойцов и командиров разного уровня).

Данные проблемы в настоящее время вызывают большой интерес военных историков, и именно они будут в центре нашего внимания. Мы попытаемся последовательно, с мак-

симальным учетом новейших исследований и по возможности доступно осветить военно-политические, организационные, стратегические и тактические аспекты функционирования римской военной машины, внутреннее устройство, состав, обучение и вооружение легионов, организацию планирования и проведения военных операций, взаимоотношения командиров и подчиненных, рассмотрим различные ракурсы и «лики» римской битвы. Таким образом, читатели не найдут на страницах этой книги рассказа об отдельных войнах, разбора тех или иных сражений и кампаний. Основной замысел данной работы заключается в другом: показать, что представляла собой и как действовала римская императорская армия, и прежде всего ее легионное ядро. Иначе говоря, мы хотели бы предложить современные ответы на четыре взаимосвязанных вопроса:

1. Для каких целей создавалась и существовала императорская армия?
2. Как комплектовались и были устроены римские легионы?
3. Каким образом они управлялись и действовали на театре военных действий?
4. Как выглядело сражение с участием легионов и какую роль играли в нем отдельные солдаты, командиры и военачальники, различные подразделения и вспомогательные войска?

Некоторые из этих вопросов пока еще не получили достаточного освещения в книгах, доступных широкой читательской аудитории в России, и авторы рассчитывают по мере сил заполнить этот пробел.

Глава 1

Октавиан Август и создание императорской армии

«В военном деле он ввел много изменений и новшеств, а кое в чем восстановил и порядки старины. Дисциплину он поддерживал с величайшей строгостью».

(Светоний. Божественный Август. 24. 1)

В эпоху падения Республики и установления принципата римская военная организация изменилась во многих отношениях. Эти изменения отражали произошедшую политическую революцию, новую расстановку социальных сил и территориальное расширение Римской державы. Вместе с тем резкой грани между армией Поздней республики и вооруженными силами Империи не было. Многие новшества по праву связываются с именем Октавиана Августа (63 г. до н. э. – 14 г. н. э.), внучатого племянника Юлия Цезаря. Усыновленный по завещанию бездетным диктатором, он стал главным наследником Цезаря и восемнадцатилетним юношей начал долгий и трудный путь к вершинам власти, который завершился победой в гражданских войнах, сначала в составе триумvirата¹ над сторонниками традиционных республиканских порядков, а потом – над своим коллегой-триумвиром Марком Антонием. Сохранив институты Республики (сенат, магистратуры, народные собрания), Цезарь Октавиан (как он стал именоваться после усыновления) сосредоточил в своих руках обширные полномочия и, по сути дела, установил настоящее единовластие в специфической форме принципата. Создавая новый государственно-политический порядок, Август (такой почетный титул Октавиан принял в 27 г. до н. э.) осуществил ряд серьезных преобразований в военной сфере, нацеленных на решение как собственно военных, так и насущных политических задач².

Сам Октавиан Август, надо сказать, не блистал полководческими дарованиями, мало напоминая в этом отношении своего приемного отца. Недаром он любил повторять, что образцовому полководцу меньше всего пристало быть торопливым и опрометчивым (*Светоний. Август. 25. 4*). Но он был прекрасным организатором и дальновидным политиком, умел находить и выдвигать способных людей. Главные победы, связывавшиеся с его именем, были делом его доверенных помощников и крупных военачальников, таких известных, как Марк Випсаний Агриппа и Тиберий, а также таких менее знаменитых, но внесших незаменимый вклад в военные достижения августовского времени, как Сентий Сатурнин, Друз Старший, Мессалла Корвин, Лициний Красс.

Еще одной способностью Августа было умение считать. Известно, что он самолично вел учет военных сил и государственных доходов и расходов (*Светоний. Август. 101. 4; Тацит. Анналы. I. 11; Дион Кассий. LIII. 30; LVI. 33*). Сконцентрировав в своих руках контроль над огромными финансовыми ресурсами Римской державы, Август сумел ими рачительно распорядиться и найти такой оптимальный баланс в военных расходах, который обес-

¹ *Триумvirат* – чрезвычайная должность, созданная специально для заключивших политический союз Октавиана, Марка Эмилия Лепида и Марка Антония, которые в 43 г. до н. э. объединились и встали во главе сторонников убитого Цезаря для борьбы с республиканцами. Триумвиры были официально наделены особыми полномочиями «для наведения порядка в государстве» сроком на пять лет с последующим его продлением.

² О военных преобразованиях Октавиана Августа, их политическом контексте и последствиях см. прежде всего: *Raaflaub K. A. Die Militärreformen des Augustus und politische Problematik des frühen Prinzipats//Saeculum Augustum. I. Herrschaft und Gesellschaft/Hg. von G. Binder. Darmstadt, 1987. S. 246–307; Speidel M. A. Augustus' militärische Neuordnung und ihr Beitrag zum Erfolg des Imperium Romanum//Speidel M. A. Heer und Herrschaft im Römischen Reich der Hohen Kaiserzeit. Stuttgart, 2009. S. 19–51; Eck W. Herrschaftssicherung und Expansion: Das römische Heer unter Augustus//Studi su Augusto. In occasione del XX centenario della morte/A cura di G. Negri e A. Valo. Torino, 2016. S. 77–93.*

печил и интересы военнoслужащих, и должную эффективность вооруженных сил и в то же время не стал непомерным бременем для населения Империи.

Император Октавиан Август в качестве Великого Понтифика (Pontifex Maximus).
Музей Терм. Рим

Октавиан имел дело с настоящим, которое порождено прошлым, и, реформируя армию, исходил прежде всего из того состояния армии, в каком она была в последние десятилетия республиканского периода. А это была уже почти постоянная и почти профессиональная армия, существенно отличавшаяся от ополчения граждан. Многие солдаты уже давно были подолгу служившими профессионалами, а более или менее постоянные гарнизоны размещались в римских провинциях иногда на протяжении нескольких поколений. В первой половине I в. до н. э. редко было меньше 14 легионов. После Союзнической войны 91–88 гг. до н. э.³ отряды союзников вышли из употребления и были заменены вспомогательными войсками из иноземных народов. К югу от реки По все италики стали римскими гражданами и могли теперь призываться в легионы. Причем многие из новых граждан, лишенные собственности и доходов, охотно записывались на военную службу в надежде поправить свое материальное положение за счет военной добычи и вознаграждения, но по большому счету они не питали патриотических чувств к римскому государству. Именно Союзническая война в большей степени, нежели реформы Мария, отменившие цензовую систему при наборе легионов, породила ту жадную, своекорыстную солдатскую массу, которая участвовала в гражданских войнах. Но именно эта армия, по сути дела, привела Октавиана к власти, и удержаться на ее вершине без армии было немыслимо. Равным образом невозможно было надежно сохранять и расширять римские владения, обеспечивать внутренний порядок, вернувшись к традиционной республиканской практике набора военнообязанных граждан для очередной кампании и их роспуска по ее окончании. Правовые и административные структуры государства нужно было привести в соответствие с новыми реалиями и юридически оформить фактическое существование постоянной армии, окончательно превратив ее в профессиональную.

Нужна была действительно регулярная армия, сравнительно небольшая, но хорошо обученная и приспособленная к решению разнообразных задач, а главное – лояльная принцепсу и максимально лишенная возможности непосредственно вмешиваться в политику, как это было в период гражданских войн. В речи ближайшего сподвижника Октавиана Гая Цильния Мецената, сочиненной историком III в. н. э. Дионом Кассием и посвященной выбору монархического правления, приводятся веские аргументы в пользу такой армии. «Необходимость в ней связана с тем, – говорит Меценат, – что нам больше уже нельзя полагаться на войска, собираемые в случае отдельных угроз, ибо мы и сами весьма удалены от границ нашей державы и со всех сторон окружены врагами. Если же позволить всем, кто находится в возрасте, пригодном для воинской службы, иметь оружие и заниматься военным делом, от них неизменно будет исходить угроза беспорядков и гражданских войн. Но, запретив такого рода занятия, в случае войны, когда нам понадобятся боеспособные люди, мы всегда рискуем оказаться в опасном положении, располагая лишь неопытными и необученными воинами. Вот почему я придерживаюсь того мнения, что, в то время как основная масса людей призывного возраста должна жить, не зная оружия и лагерных валов, набирать в войско и обучать военному делу следует самых крепких телом и наиболее нуждающихся в средствах к существованию. Они ведь, целиком посвятив себя воинскому ремеслу, будут лучше воевать, тогда как остальное население, не имея нужды отправляться в военные походы и полагаясь на защиту других, сможет спокойнее обрабатывать землю, плавать по морям и посвящать

³ Эта война была восстанием италийских союзников Рима, не желавших более переносить неравноправное положение в составе римско-италийского союза. Формально победа осталась за Римом, но достигнута она была главным образом благодаря тем уступкам, на которые пошли римляне, предоставив возможность получить права римского гражданства большинству союзников.

себя прочим мирным занятиям. Таким образом, самые энергичные и сильные, кому иначе пришлось бы жить в основном разбоем, смогут обеспечить себя, не причиняя никому вреда, а все прочие будут проводить жизнь в безопасности» (*Дион Кассий*. ЛП. 27).

Деталь алтаря Гнея Домиция Агенобара. Лувр. Париж

В 42 г. до н. э. было 66 легионов, в которых служило примерно от 216 000 до 270 000 италийцев (или 25 % италийской молодежи). Сюда надо добавить от 48 до 60 тысяч провинциалов⁴. Перед битвой при мысе Акции в распоряжении Октавиана было около 28 легионов, а у Антония, вероятно, 23, не считая вспомогательных сил. После практически бескровного завоевания Египта в 30 г. до н. э. все эти огромные вооруженные силы оказались в руках Октавиана. Поэтому после победы над Марком Антонием важнейшей первоочередной проблемой, вставшей перед Октавианом, стала демобилизация тех огромных армий, которые участвовали в гражданских войнах. И если с ветеранами флота и вспомогательных войск можно было расплатиться предоставлением им римского гражданства, некоторых других льгот и привилегий, то для вознаграждения демобилизуемых легионеров требовались земли и деньги. Решение этой задачи облегчалось, во-первых, наличием уже отработанного механизма наделения ветеранов земельными наделами, а во-вторых, египетской добычей – сокровищами династии Птолемеев, которые были заботливо собраны Клеопатрой и полностью оказались в руках Октавиана.

Август произвел расселения ветеранов в 30 и 14 гг. до н. э. Необходимые земли приобретались за счет египетской добычи. Август потратил на эти цели 860 млн сестерциев, избежав той непопулярности, которая была связана с конфискацией земель в 41 г. (Деяния Божественного Августа. 16; *Дион Кассий*. LI. 4. 8). Всего в Италии было выведено 28 колоний, наделы в которых получили ветераны Августа. Эти поселения, помимо всего прочего, предназначались для того, чтобы служить опорой власти в моменты возможных политических кризисов и в дальнейшем быть источником пополнения легионов. Ветераны, сражавшиеся на стороне Антония, также получили земельные наделы, но позднее и только в провинциях (Испании, Азии, Сирии, Нарбонской Галлии, Ахайю и др.). Размер наделов, которые получали ветераны при Августе, точно не известен. Предполагают, что в среднем он составлял 50 югеров (14,7 га). Увольняемые в отставку позже (в 7, 6, 4, 3 и 2 гг. до н. э.) получали вознаграждение в денежной форме, на что было потрачено около 400 млн сестерциев (Деяния Божественного Августа. 16). Большинство ветеранов предпочитали именно такое вознаграждение, поскольку оно давало больше свободы в выборе места жительства. В своих «Деяниях» Август отмечает, что около 500 000 римских граждан были приведены к присяге на верность ему, и из них немногим более 300 000, отбывших срок на военной службе, он вывел в колонии или вернул в их города (Деяния Божественного Августа. 3). Из них около 120 000 были выведены в колонии в 30 и 29 гг. до н. э., а остальные 180 000 получили отставку и награду в виде земельного надела или денег в период с 29 г. до н. э. по 14 г. н. э. Прочие же либо не дожили до отставки, либо вышли в отставку уже при Тиберии.

Что касается структуры вооруженных сил, то здесь Августом были созданы на регулярной основе новые рода и виды войск: преторианская гвардия, формирования городского гарнизона Рима (городские когорты и когорты вигилов, предназначенные для тушения пожаров) и военно-морской флот. Были также упорядочены виды вспомогательных войск (*auxilia*).

Ядром вооруженных сил Империи остались, разумеется, легионы. Утвердившись у власти, Октавиан по стратегическим соображениям из более чем 50 легионов сохранил 28, отдав предпочтение тем боевым единицам, которые сражались в свое время под знаменами Цезаря. Номера этих соединений иногда дублируются, поскольку в период триумвирата они входили в состав армий и Антония, и Октавиана. В оставшихся легионах он уволил в отставку большинство солдат, которые служили в годы гражданских войн, удалив таким образом из армии то поколение, которое привыкло диктовать свои условия командирам. К тому же за годы междоусобных войн среди легионеров оказалось много провинциалов самого разного этнического происхождения и даже рабов. Из приблизительно 230 000 леги-

⁴ *Brunt P. A. Italian Manpower, 225 B. C. – A. D. 14. Oxford, 1971. P. 480–488, 510–512.*

онеров, оказавшихся в руках Октавиана, было уволено около трети⁵. За этими увольнениями последовали новые массовые наборы, главным образом на севере Италии, в Цизальпийской Галлии, где был достаточно многочисленный сельский плебс.

Легионеры, набранные в 30 г. до н. э., по-видимому, были уволены в отставку в 14 г. до н. э. А в 13 г. до н. э. Август установил срок службы в 16 лет (*Дион Кассий*. LIV. 25. 5–6), что соответствует тому числу походов, которое полагалось совершить римскому гражданину в период Республики. Очевидно, что с этого времени обычным стал набор в легионы добровольцев. В 5 г. н. э. срок службы был определен в 20 лет плюс 5 лет в качестве ветерана. Через некоторое время после смерти Августа срок службы стал составлять 25–26 лет.

Надежное удовлетворение материальных потребностей солдат в целях недопущения возможных мятежей и солдатского диктата периода гражданских войн было одной из важнейших задач Августа в рамках его политики стабилизации. Для этого необходимо было выработать своего рода служебный договор, приемлемый и для власти, и для солдат, и для общества. Как пишет Дион Кассий (LIV. 25. 5), он хотел сделать так, «чтобы отныне воины, записавшись в войско на определенных условиях, больше не имели причин из-за этого бунтовать. <...> Эти меры не вызвали в то время [в 13 г. до н. э.] у воинов ни радости, ни злости, так как они не получили всего, чего хотели, но и не были лишены всего; у остального же населения благодаря этим решениям появилась твердая надежда, что у них в будущем не отберут их владений». Основателю принципата удалось в целом успешно решить эту непростую задачу. При этом можно говорить об установлении фактической монополии принцепса на снабжение и награждение войск. Было определено и денежное вознаграждение, получаемое ветераном, в размере 3000 денариев для рядового легионера, что равнялось сумме его жалованья за 13 лет. Для выплаты вознаграждения ветеранам, увольняемым в отставку после 20 лет службы, Август учредил в 6 г. н. э. специальную военную казну (*aerarium militare*), в которую передал из собственного имущества 170 млн сестерциев, а потом для его пополнения ввел два новых налога: 5-процентный налог с наследства⁶ и 1-процентный налог с аукционных продаж (Деяния Божественного Августа. 17; *Дион Кассий*. LV. 25). В 17 г. н. э. Тиберий добавил к источникам ее пополнения налог (трибут) с провинции Каппадокия.

Само солдатское жалованье осталось прежним, каким его установил Цезарь: 225 денариев у рядового легионера. Это, правда, немногим превышало средний прожиточный минимум. Но у жалованья было несомненное достоинство – его регулярность. Легионеры же имели перспективы продвижения по службе, сулившие повышенное жалованье, право на получение доли добычи и денежных подарков от императора.

Таким образом, Август добился того, чтобы, как пишет Светоний (Август. 49. 2), воинов, где бы они ни служили, ни возраст, ни бедность не побуждали к мятежам.

Нужно подчеркнуть, что, вопреки распространенному мнению, Август не располагал легионы и другие соединения рядом с границей. В его правление происходили постоянные перемещения войск, направляемых на те или иные театры военных действий, где продолжались завоевания (как в Испании, в альпийских или германских землях, в Мёзии) или возникала необходимость подавить восстания местного населения (как в Паннонии и Далмации). Из пяти легионов, размещавшихся при Августе в Иллирии и Далмации, в середине I в. н. э. остался только один. Как известно, Август разделил все провинции на императорские и сенатские (официально они назывались «провинции римского народа»). Наиболее важные в военном отношении провинции перешли под непосредственное управление императора, который направлял туда своих легатов (наместников); внутренние, замиренные провинции управлялись наместниками, посылаемыми сенатом. Первоначально, однако, и в некоторых

⁵ Schmitthenner W. Politik und Armee in der späten römischen Republik//Historische Zeitschrift. 1960. Bd. 190. S. 16 f.

⁶ От его уплаты освобождались близкие родственники наследодателя и бедняки.

сенатских провинциях стояли легионы. Но из 8 легионов, дислоцировавшихся в сенатских провинциях, к концу правления Августа остался только один – в провинции Африка (впрочем, и его в 39 г. Калигула передал из-под власти наместника под командование специально назначенного легата – *Тацит. История. IV. 48*). Капитальные, устроенные на постоянной основе легионные лагеря появляются только с середины I в. н. э.

Важнейшим новшеством, введенным Августом в военную организацию, была преторианская гвардия, предназначенная для охраны особы императора⁷. Она была создана в 27 г. до н. э. на основе тех отрядов телохранителей, которые Октавиан имел в годы гражданских войн. Во времена Республики римские полководцы располагали так называемой преторской когортой (*cohortes praetoriae*), набиравшейся из отборных воинов и выполнявшей функции телохранителей. Теперь же были набраны 9 когорт (позже к ним добавились еще три) по 1000 человек в каждой (или по 500 – вопрос остается спорным), которые несли службу на постоянной основе как особое элитное подразделение императорской армии. Количество этих когорт, по всей видимости, восходит ко времени триумvirата. После разгрома республиканцев в битве при Филиппах (42 г. до н. э.) 8000 ветеранов, выразивших желание продолжить службу, Октавиан и Антоний разделили на преторские когорты (*Аппиан. Гражданские войны. V. 3*); каждому досталось по четыре, а еще одна была у третьего триумвира Лепида. После 30 г. до н. э. все они оказались в войске Октавиана.

⁷ В числе многочисленных исследований, посвященных преторианцам, укажем новейшую работу: *Bédoyère G., de la. Praetorian: The Rise and Fall of Rome's Imperial Bodyguard. New Haven; London, 2017.*

Ауреус времен императора Клавдия с изображением лагеря преторианцев

Преторианские когорты размещались в городах Италии и (со времени Тиберия) в самом Риме, в специальном лагере на склоне Эсквилина, одного из семи римских холмов. Таким образом, Август отступил от давней традиции, согласно которой вооруженное войско не могло находиться в пределах городской черты Рима. Привилегированное положение солдат преторианской гвардии по сравнению с legionерами заключалось в более коротких сроках службы (12, позже 16 лет) и повышенном жалованье (рядовой преторианец получал в год 375 денариев против 225 денариев у простого legionера; императорские денежные подарки преторианцам выплачивались в большем размере, нежели всем другим воинам из числа граждан). Набирались в преторианские когорты в основном жители Италии, и гвардейцы подчас свысока смотрели на legionеров, третируя их как чужеземцев (*Тацит. История. II. 21*). В свою очередь, legionеры из провинциальных армий видели в преторианцах не настоящих солдат, а людей, избалованных столичной жизнью, больше пригодных для парадов, нежели для настоящих войн и испытаний.

Каждая преторианская когорта делилась на 10 центурий под командованием центуриона. Когортой командовал трибун. Кроме того, в состав гвардии входил отряд из 300 конных спекуляторов, которым командовал центурион *trecenarius* («трехсотник»). Заместитель последнего назывался *princeps castrorum* – «начальник лагеря». Начальствовали над всеми когортами один или два префекта претория из числа всадников, подчиненных непосред-

ственно принцепсу. Преторианцы были вооружены в принципе так же, как и легионеры, обучались таким же образом. Начиная со II в. н. э. гвардия сопровождала императора в военных походах, но каких-либо специальных тактических задач не имела. Вместе с тем гвардия давала немало командных кадров для легионов, так как некоторые преторианцы, отслужившие 16 лет, могли получить чин центуриона и продолжить службу в легионах, имея подчас лучшие карьерные перспективы по сравнению с легионными центурионами, выслужившимися из рядовых.

Однако близость к императорскому двору делала преторианцев важной политической силой, особенно в моменты династических кризисов. Именно от позиции преторианской гвардии часто зависел выбор того или иного претендента на императорский престол или же физическое устранение неугодного правителя путем заговора. Осторожный Август в деле обеспечения собственной безопасности не полагался только на преторианцев, но имел также отряд германских телохранителей (*Germani corporis custodes*) численностью как минимум 500 человек, который обычно набирался из племени батавов. Они имели свой лагерь за Тибром. Их распустил Гальба в 68 г. н. э. В конце I в. им на смену пришли так называемые *equites singulares Augusti*, объединенные в подразделение численностью в 1000 человек под командованием всаднического трибуна, подчиненного префекту претория. Они набирались из германских провинций, прежде всего из тех же батавов. К этому времени и провинциальные наместники имели свой эскорт *equites singulares consularis*, которых набирали из лучших солдат кавалерийских вспомогательных частей.

К элитным частям относились также городские когорты (*cohortes urbanae*), учрежденные в самом начале правления Августа и выполнявшие в основном функции городской полиции. Первоначально было три такие когорты численностью по 500 человек (позднее, вероятно, как и у преторианцев, она была доведена до 1000). Их нумерация продолжала номера преторианских когорт, то есть имели номера с X по XII. Подчинялись они префекту города, а со II в. н. э. – префекту претория. В правление Тиберия, около 20–23 гг. н. э., они были размещены в том же лагере, что и преторианские когорты. Еще две когорты были учреждены позднее и размещены – одна в Лугдуне (Лионе), а вторая в Карфагене.

Семь когорт ночной стражи (*cohortes vigilae*), созданные в 6 г. н. э., численностью тысяча человек каждая, выполняли функции военизированной пожарной команды и ночного дозора в столице. Они набирались из вольноотпущенников и неграждан (перегринов), которым через несколько лет службы предоставлялось римское гражданство. Командовал ими префект ночной стражи.

Август упорядочил также численность вспомогательных частей (*auxilia*), которые по общей численности приблизительно равнялись численности легионов. Они в основном набирались из перегринов (свободных жителей Империи, не имевших прав римского гражданства). Если раньше они имели разный численный состав, то теперь пешие когорты под началом трибунов состояли, как и в легионе, из 6 центурий по 80 человек каждая, а конные отряды (*alae* – «крылья», как они традиционно назывались) имели по 512 бойцов, делившихся на 16 турм по 32 человека каждая. Такие алы и когорты назывались пятисотенными (*quingenariae*) для отличия от появившихся позже отрядов в 1000 человек (*milliariae*). Первыми командовали префекты, а вторыми – трибуны; турмы возглавлялись декурионами. Среди когорт были и те, которые формировались из римских граждан. Некоторые когорты именовались *equitatae*, что дословно переводится как «конные», но на деле это были смешанные подразделения, включавшие и центурии пехотинцев, и турмы всадников⁸. Все эти вспомогательные отряды носили, как правило, название по имени того народа или племени,

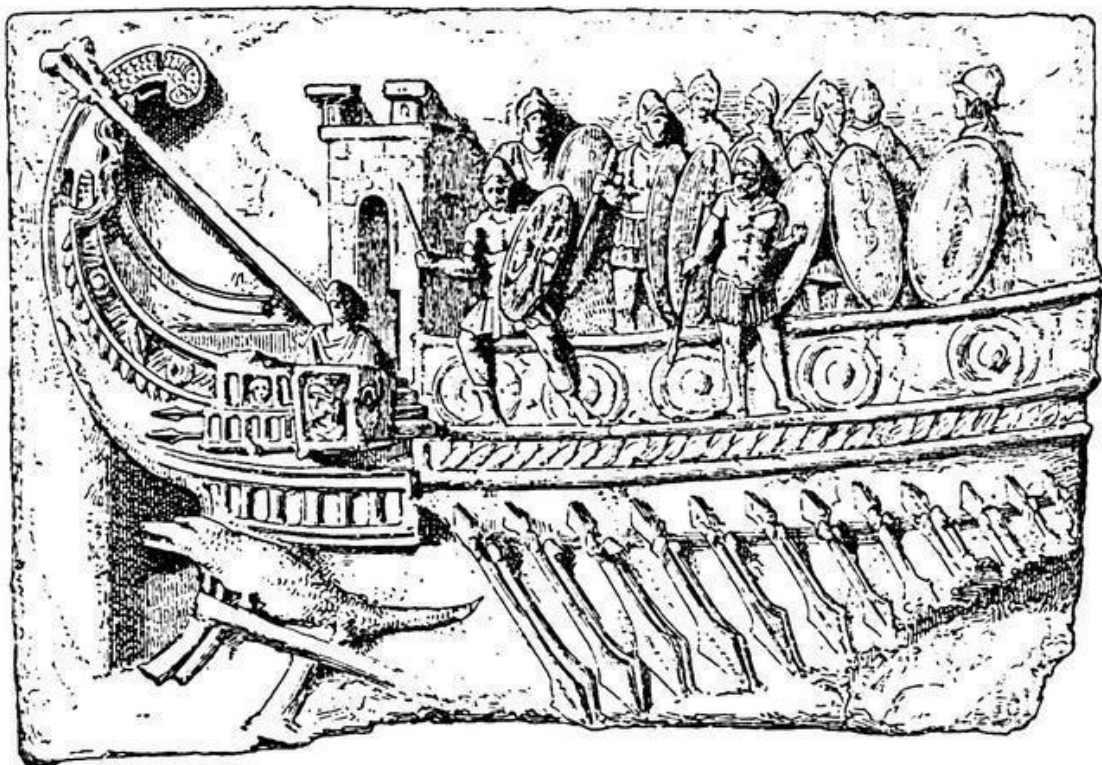
⁸ Впрочем, высказывалось мнение, что лошади служили воинам этих когорт только для передвижения, сражались же они в пешем строю. Но эта точка зрения не получила поддержки среди исследователей.

из которого первоначально были сформированы (*cohortes Afforum, Dalmatorum, Thracum, Vindelicum, ala Hispanorum, Illyricorum, Pannoniorum* и т. д.), а иногда по имени конкретного командира, который первым возглавил данное подразделение (например, *ala Siliana* или *ala Indiana* по имени Инда). Иногда добавляется указание на императора, создавшего отряд (например, *cohors Augusta*), почетные эпитеты («Благочестивая», «Верная», «Дважды награжденная почетными ожерельями» и т. п.) или уточняющие наименования (*veterana* – «ветеранская, старейшая», *sagittariorum* – «лучников», *scutata* – «носящих щиты»). Со временем эти отряды начинали пополняться в тех местах, где несли службу (часто очень далеко от родины), и утрачивали свой первоначальный этнический состав⁹.

Римляне продолжали достаточно широко использовать контингенты, поставляемые зависимыми (клиентскими) царями. Например, в 25 г. до н. э. по приказу Августа префект Египта Элий Галл совершил военную экспедицию в Аравию, имея в дополнение к легионам и ауксилариям отряд в 500 человек от царя Иудеи Ирода и 1000 человек от царя набатеев Обода (*Страбон. География. XVI. 4. 23*). В войске наместника Каппадокии Арриана, снаряженного для отражения набега аланов, регулярные римские войска дополнялись союзными контингентами из Малой Армении, Трапезунда и Колхиды (*Арриан. Построение против аланов. 7*). Марк Аврелий после войны с маркоманнами и квадами в соответствии с заключенным договором принял на службу 5500 сарматов из-за Дуная и не стал распределять их по различным вспомогательным частям, а отправил всех вместе в Британию (*Дион Кассий. LXXI. 16. 2*).

Все эти вспомогательные формирования, безусловно, придавали римской армии тактическую гибкость и разнообразие. Они восполняли потребность в кавалерии и легкой пехоте, которая стала ясной уже во время Второй Пунической войны. Многие военные задачи (наблюдение за границами, внутренний полицейский контроль и т. д.) требовали мобильности, гибкости, меньших отрядов и открытых форм построения, а не массовой тяжелой пехоты. В социальном плане вспомогательные войска, имевшие командиров из числа римлян и служившие бок о бок с легионами, способствовали процессу романизации провинциального населения, тем более что главной наградой за 25-летнюю службу для солдат-ауксилариев было римское гражданство, которое они получали, выходя в отставку, вместе со своими женами и детьми. Однако интеграция контингентов из племен, недавно покоренных римлянами, в римскую армию была сложным и подчас болезненным процессом. В I в. н. э. известны случаи, когда провинциалы, пройдя римскую военную школу, поднимали восстание и выступали против римской власти. Так было в 6–9 гг. н. э. в Паннонии и Далмации, где ядро восставших составили племена, уже давно набиравшиеся в римские вспомогательные войска. Командиром отряда вспомогательных войск служил и Арминий из племени херусков, который, изменив римлянам, заманил армию наместника Германии Квинтилия Вара в ловушку и уничтожил в Тевтобургском лесу в 9 г. н. э. В 69–70 гг. н. э. мощное восстание галльских племен против Рима возглавил Юлий Цивилис, также служивший командиром вспомогательной когорты. Неизвестный автор трактата «Об устройстве военного лагеря», написанного во II в. н. э., указывал, что легионы, как самые верные войска, следует размещать непосредственно у лагерного вала, чтобы они охраняли его и как стеной из человеческих тел удерживали от бегства разноплеменное воинство (*Псевдо-Гигин. Об устройстве военного лагеря. 2*). Важная ремарка, свидетельствующая, что и столетие спустя после Августа ауксилариям не всегда можно было доверять в полной мере.

⁹ Исключение в этом отношении составляли те отряды, которые имели специфические методы сражения, как, например, когорта сирийских лучников.

Римский барельеф, изображающий бирему с установленной на носу боевой башней

В правление Августа в составе вооруженных сил Рима впервые учреждается постоянный военно-морской флот. Из кораблей, участвовавших в битве при Акции, были созданы два флота – Мизенский и Равеннский, названные так по местам их базирования. Они охраняли, соответственно, западное и восточное побережья Италии. Трофейные корабли, захваченные у Антония, стали основой еще одного флота, размещенного в Нарбонской Галлии в городе *Forum Iulii* (совр. Фрежюс на юге Франции). Кроме того, впоследствии создавались и отдельные флотилии на окраинных морях (в Британии, Понте) и больших реках (Рейне и Дунае). Флотские экипажи комплектовались из peregrini и были устроены по образцу легионов по центуриям во главе с центурионами, причем моряков называли *milites*, «воины». Командовал каждым флотом префект всаднического ранга, при этом командующий Мизенским флотом считался старшим. Командиры кораблей, триерархи, нередко были из вольноотпущенников. В правление Тиберия и Клавдия отпущенники даже поднимались до поста командующего флотом (ILS 2815). Общая численность императорского флота оценивается в 40–45 тыс. человек – сила довольно-таки значительная, хотя, в общем, он играл хотя и полезную, но отнюдь не большую роль в военной системе принципата.

Таким образом, в структуре вооруженных сил Империи выбор был сделан в пользу разнообразия видов и родов войск. В вопросе же комплектования легионов основной упор был сделан на качественное – по своим социальным характеристикам – пополнение. Основатель принципата действовал и в реставраторском духе, чтобы сделать из армии не сборище наемников и маргиналов, каким она в значительной степени была в эпоху гражданских войн, но своего рода элитный корпус граждан, специально отобранных и подготовленных, способных защищать величие Империи и государственные интересы¹⁰. О принципах и поряд-

¹⁰ Vendrand-Voyer J. Normes civiques et métier militaire a Rome sous le Principat. Clermont, 1983. P. 69 suiv.; 76; 83 suiv.; 91; Carrié J.-M. Il soldato/L'uomo romano/A cura di A. Giardina. Bari, 1989. P. 109 sgg.; Ле Бозк Я. Римская армия эпохи Ранней империи: Пер. с франц. М., 2001. С. 125, 133, 147.

ках набора легионов речь подробнее пойдет ниже (см. гл. 6). Пока же отметим, что Август, не отменяя всеобщей воинской обязанности граждан, при наборе легионов ориентировался преимущественно на добровольцев, понимая, что из насильственно призываемых рекрутов трудно сделать хороших солдат. При этом наличие римского гражданства было обязательным условием для записи в легионы. Сочетание принципа «гражданин – солдат» с профессиональным характером армии можно считать бесспорным достижением военной реформы Августа. Именно для того, чтобы привлечь в легионы достаточное число добровольцев, он упорядочил условия службы и систему обеспечения ветеранов.

С установлением Империи уменьшилось значение военной добычи в качестве вознаграждения солдат. Отчасти это компенсировалось более или менее регулярными денежными подарками (*donativa*), которые император жаловал легионерам и другим солдатам из числа граждан по случаю побед и знаменательных дат. Вместе с тем мудрый Август хорошо понимал значение моральных стимулов, и именно он, очевидно, упорядочил систему поощрений в виде различных знаков отличия (*dona militaria*), игравших в Риме роль орденов и медалей. Судя по замечанию Светония (Август. 25. 3), он стремился повысить престиж почетных венков и прочих наград, который, вероятно, серьезно упал в годы гражданских войн¹¹, сохранив, видимо, их изначальную связь с конкретным деянием, и беспристрастно награждал ими даже рядовых. Вместе с тем он отошел от той демонстративной близости с воинами, которая была характерна для Цезаря, в частности, отказавшись от обращения к воинам как к «соратникам». Он и сам после гражданских войн называл их только «воинами» и предписал другим военачальникам обращаться к солдатам только так, находя употребление слова «соратники» слишком льстивым и для военных порядков, и для достоинства своего и своих близких (Светоний. Август. 25. 1).

Следует сказать также о том, что наряду с привилегиями, предоставляемыми воинам, Август ввел запрет на официальный брак для военнослужащих (и легионеров, и ауксилариев), который сохранялся до 193 г. н. э., когда его отменил Септимий Север. Такого запрета не существовало в период Республики, когда граждане обычно призывались в легионы на период отдельной кампании. Современные исследователи по-разному объясняют причины введения этого запрета. Одни связывают его с тем, что женщины и дети отягощали войско на марше. Другие полагают, что военные власти стремились избежать ситуации, когда солдаты, женатые на местных жительницах, могли сопротивляться переводам в другие места и даже дезертировать. Третьи считают, что запрет на брак позволял избежать увеличения солдатского жалованья и продовольственного снабжения в тех размерах, которые требовались для содержания семьи. Есть мнение, что этот запрет имел целью предотвратить сокращения населения в Италии, воспрепятствовав женщинам отправляться вместе с легионерами к месту службы на границах Империи. Но вероятнее всего, основные мотивы запрета на солдатские браки коренились в традиционном убеждении римлян в несовместимости воинской дисциплины с пребыванием в военном лагере женщин¹². Более того, в начале принципата, по-видимому, даже женам командиров и военачальников запрещалось сопровождать своих мужей в те провинции, где они проходили службу. Введение такого рода запретов вполне укладывается в общее русло консервативной, реставраторской политики Августа, который стремился возродить традиционные римские ценности. Понятно, однако, что в любом случае с чисто военной точки зрения войско, не обремененное женщинами и детьми, было более мобильным.

¹¹ По свидетельству Аппиана (Гражданские войны. V. 128), после победы над Секстом Помпеем в 36 г. до н. э. в ответ на предложение Октавиана добавить легионам еще много венков и дать воинам звание членов совета на родине, повременив при этом с выплатой наградных и наделением земель, один из офицеров заявил, что венки и пурпурные одежды – детские игрушки, награды же воинам – земля и деньги.

¹² Phang S. E. The Marriage of Roman Soldier. Leiden; Boston; Köln, 2001. P. 344–381.

Разумеется, этот запрет отнюдь не означал, что солдаты ограничивались только общением с проститутками или рабынями и не имели более или менее длительного сожительства с женщинами. Напротив, в надписях и папирусах I в. н. э., и особенно II в. н. э., есть многочисленные свидетельства о существовании достаточно устойчивых квазибрачных союзов военнослужащих¹³. Возможно, что военное начальство на местах со временем стало довольно либерально смотреть на такие солдатские семьи, поскольку родившиеся в них сыновья чаще всего наследовали профессию отцов, записываясь в легионы. Так или иначе, фактические брачные союзы военнослужащих, независимо от статуса женщины, не могли иметь того же правового значения, какое имел официальный брак. Вступившие в такой союз воины не пользовались теми привилегиями, которые в соответствии с брачными законами Августа получали женатые люди, поскольку с формально-юридической точки зрения военнослужащие считались *caelibes*, «холостяками». В частности, согласно так называемым брачным законам Августа от 18 г. до н. э. и 9 г. до н. э., мужчины в возрасте от 25 до 60 лет, не состоящие в браке, лишались права принимать наследство и завещательные отказы. Таким образом, воины, посвятившие свою жизнь общественно значимой миссии, оказывались в явно невыгодном положении по сравнению с гражданскими лицами. И это стало очевидным уже вскоре после правления Августа. Такую несправедливость отчасти попытался устранить император Клавдий (41–54 гг. н. э.), который своим эдиктом предоставил воинам права женатых людей (*Дион Кассий*. LX. 24. 3).

Еще одним краеугольным камнем военной реформы Августа стала перестройка системы высшего командования, направленная прежде всего на нейтрализацию потенциальных угроз единоличной власти принцепса со стороны представителей сенатской знати. Чтобы исключить возникновение замкнутой «касты» высших военачальников, Август, сохранив традиционную монополию сенаторского сословия на командование войсками, ввел обязательное сочетание гражданских и военных постов в карьере сенаторов. Все назначения на высшие должности, предполагавшие командование войсковыми соединениями (командующих легионами и провинциальных наместников, под началом которых находились все вооруженные силы провинции), производились самим принцепсом как верховным главнокомандующим в соответствии с определенным порядком: прежде чем получить командную должность сроком, как правило, на несколько лет, необходимо было исполнить соответствующую магистратуру (квестора, претора, консула); после военных постов сенаторы вновь возвращались к гражданской жизни. Но для прохождения сенаторской карьеры военная служба оставалась обязательной. По сообщению Светония (Август. 38. 2), Август назначал сыновей сенаторов не только трибунами легионов, но и префектами конницы (т. е. конных вспомогательных отрядов); а чтобы никто из них не миновал лагерной жизни, он обычно ставил их по двое над каждым конным отрядом. Кроме того, важные командные должности (начальствование над преторианской гвардией, наместничество в Египте, командование вспомогательными отрядами и другие) были закреплены за представителями второго благородного сословия – всадниками. Опасаясь мятежных поползновений со стороны оппозиционных аристократов, Август часто использовал на командных должностях людей незнатных и членов своего семейства, а главное – полностью поставил под свой контроль выплату жалованья и награждение солдат, превратившись, по сути дела, в единственного

¹³ По имеющимся оценкам, в I в. н. э. в эпитафиях солдат, служивших в разных районах Империи и в разных родах войск, «жены» упоминаются примерно в 5–15 % надписей, тогда как во II в. такие упоминания имеются примерно в 35 % эпитафий легионеров и воинов вспомогательных частей, а примерно в 15 % надгробных надписей в качестве лиц, поставивших надгробие, названы дети. Такое существенное увеличение числа солдатских браков можно, наверное, объяснить переходом к рекрутированию легионов и других частей в провинциях их постоянной дислокации и расширением социальных контактов военнослужащих с местным населением. См.: Phang S. E. The Families of Roman Soldiers (First and Second Centuries A. D.): Culture, Law, and Practice//Journal of Family History. 2002. Vol. 27. No. 4. P. 365.

патрона солдат, которые лично ему были обязаны всеми благодеяниями и привилегиями, только ему приносили воинскую присягу и обязывались хранить верность. И хотя потенциальная опасность со стороны популярных военачальников, стоявших во главе крупных провинциальных армий, не исчезла полностью, созданная Августом система в целом оказалась настолько прочной и эффективной, что была в состоянии справляться со случайными сбоями, династическими проблемами и попытками военных мятежей.

В целом же созданная Августом военная система сохраняла два фундаментальных, восходящих к древним традициям принципа: единство статуса гражданина и легионера и закрепленную за высшими сословиями монополию на командование (что в условиях профессиональной армии было, конечно, пережитком древней республиканской системы, при которой военные посты доставались не столько в соответствии с реальными способностями и опытом, сколько в силу принадлежности к знатным сословиям). Августом были заложены столь прочные основы новой военной организации, что его преемникам в течение долгого времени оставалось лишь приспособлять к изменяющейся ситуации то, что уже было создано. Именно в его правление были определены способы комплектования различных родов войск и общая военно-политическая стратегия, установлены различия между легионами и вспомогательными войсками, между гарнизоном Рима и провинциальными армиями, определены пути карьеры высших командиров, условия прохождения службы рядовых и центурионов, статус ветеранов. Создание профессиональной постоянной армии позволяло более успешно накапливать и передавать военный опыт.

Глава 2

Имперская стратегия

«Пока Рим управлялся по-республикански и сенат посылал на войну полководцев, все италийцы были под оружием и покорили землю и море, воюя с эллинами и варварами, и не было такой части земли или склона неба, куда бы римляне не распространили свою власть. С тех пор же, как единовластие перешло к Августу, последний освободил италийцев от трудов, лишил их оружия и окружил державу укреплениями и лагерями, поставив нанятых за определенное жалованье воинов в качестве ограды Римской державы; он обезопасил державу, отгородив ее великими реками, оплотом из рвов или гор, необитаемой и непроходимой землей».
(Геродиан. История императорской власти после Марка. II. 11. 4–5)

Боевое применение армии, ее состав, численность, структура, тактика и размещение на территории государства зависят от характера тех вооруженных конфликтов, в которых участвует государство, а стало быть, во многом определяются проводимой правительством внутренней политикой, тем стратегическим курсом, какого придерживаются правящие круги в отношениях с соседними странами и народами. Кроме того, армия оставалась и важной политической силой (как бы Август ни пытался удалить ее от политики), одной из главных опор императорского единовластия и вместе с тем средством для удержания в повиновении завоеванных народов.

На протяжении своей истории Риму приходилось иметь дело с очень разными противниками, как с варварскими племенами, еще не имевшими государственности, так и с такой мощной державой, как Парфянское царство, вести завоевательные и оборонительные войны на различных театрах военных действий – от Британских островов до Закавказья и Месопотамии, подавлять восстания и мятежи подвластного населения. Каждый из народов, становившихся противником Рима, имел свои особенности в вооружении и тактике, и это приходилось учитывать римлянам, строя свою военную организацию. История Римской державы отнюдь не была чередой легких завоеваний и блестящих успехов. Случались и такие катастрофические поражения, как полный разгром сразу трех легионов в 9 г. н. э. в Тевтобургском лесу, или позорная капитуляция перед парфянами войска Цезенния Пета в 64 г. н. э. при Рандее в Армении (*Тацит. Анналы. XV. 15; Дион Кассий. LXII. 21*), или уничтожение нескольких легионов восставшими иудеями в 66 и 132–135 гг.

Имперская внешняя политика и военная стратегия определялись многими разнообразными факторами. Под соответствующие задачи комплектовались и готовились вооруженные силы Империи, соответствующим образом они размещались на территории Римской державы. Следует иметь в виду, что Римская империя оставалась цепью провинций вокруг Средиземного моря и реагировала на отдельные военные проблемы в прилегающих районах в зависимости от конкретной ситуации. Вместе с тем можно говорить и о действии более или менее постоянных или долговременных военно-политических факторов.

Античные авторы, говоря о причинах тех или иных войн в эпоху Империи, часто указывают на желание императоров снискать личную славу и укрепить свой престиж, что имело важное значение для обоснования их права на власть. К этому их, несомненно, подталкивало и общественное мнение, по-прежнему видевшее в успешных завоеваниях и покорении иноземных народов едва ли не главное свидетельство величия Рима. Именно желание найти почетный повод для настоящего триумфа было, по свидетельству Светония, причиной заво-

евания Клавдием Британии (*Светоний*. Клавдий. 17. 1). Стремление к истинной славе было, по словам Диона Кассия, истинным мотивом императора Траяна, чтобы начать войну с Парфией (*Дион Кассий*. LXVIII. 17. 1).

Разумеется, стремление отдельных императоров расширить пределы римских владений, снискать военную славу, приобрести добычу и новые ресурсы были важными побудительными мотивами римской политики, и многие войны действительно приносили Риму существенные материальные выгоды, как, например, присоединение Египта в 30 г. до н. э. Но всё же эти мотивы в целом имели вторичное значение. Главной причиной предпринимаемых римлянами военных акций чаще было стремление поддержать статус и престиж Римской державы, отомстить за оскорбление (реальное или выдуманное), покарать непокорных. Только насаждая соответствующий образ, Империя могла обеспечить относительную неприкосновенность своих рубежей, не допустить одновременных нападений извне и восстаний внутри. Владычество и величие римского государства, сама его безопасность зависели от всеобщего признания. Материальные приобретения, полученные в результате завоеваний, в свою очередь упрочивали статус Империи.

Сугубо экономические интересы и геополитические соображения не могут удовлетворительно объяснить многие военные предприятия римлян в эпоху Империи. Многие кампании были исключительно затратными, а завоеванные территории в результате не только не приносили доходов в казну, но, напротив, поглощали немалые ресурсы на содержание размещаемых на них войск, которые были необходимы и для охраны новых внешних границ, и для обеспечения внутреннего спокойствия. Так обстояло дело, например, в Британии, которая была завоевана и стала римской провинцией в 43 г. н. э.

В последнее время получила развитие точка зрения, что рассматривать военно-политическую стратегию Римской империи в понятиях обороны и наступления неправомерно, скорее речь следует вести об определяющем значении понятий чести и власти¹⁴. В эпоху Империи безопасность отождествлялась с честью и престижем римского государства, честь же заключалась в победе. И поэтому победа в любом конфликте была для римлян практической необходимостью, ибо безопасность их государства зависела в конечном итоге от того, насколько им удавалось сохранить имперское достоинство. Даже действуя агрессивно, римляне были убеждены, что они поступают так ради собственной безопасности. Характерно, что Цицерон, рассуждая о праве войны и причинах, по которым римляне начинали и вели войны, говорит о чести, достоинстве, владычестве, славе и выживании, но при этом отмечает, что справедливая война может вестись и для отмщения, и для отражения врага (*Цицерон*. Об обязанностях. I. 38). В своих «Деяниях» Август стремится создать впечатление о справедливом характере всех войн, которые велись в его правление и целью которых было утверждение мира в державе и величие римского народа.

В немалой степени римская внешнеполитическая и военная стратегия обуславливалась морально-психологическими факторами и строилась на создании особого образа Рима как могучей, несокрушимой силы. Этот образ поддерживался применением стратегии устрашения и мести. До тех пор пока потенциальные враги Империи верили в ее силу и в неотвратимость возмездия, римляне могли рассчитывать на сохранение своего господства, имея сравнительно небольшую армию и пограничную систему, которая сама по себе не была рассчитана на отражение массированных вторжений. Римская агрессивность и наступательная стратегия как раз и были нацелены на то, чтобы внушить соседям соответствующие представления. Показательны в этом плане слова оратора IV в. Фемистия, который в речи в честь императора Валента подчеркивал, что римлян и скифов (в данном случае имеются в виду

¹⁴ Эта точка зрения получила обоснование в книге: *Mattern S. P. Rome and the Enemy: Imperial Strategy in the Principate*. Berkeley; Los Angeles; L., 1999.

готы) разделяют не реки, не болота, не стена – ибо через них можно переплыть, переправиться, перебраться, – но страх, которого никогда не преодолевал тот, кто считал себя слабее (Речи. 10. 138 D).

Таким образом, римская военно-политическая стратегия во многом основывалась на ценностных представлениях, описываемых такими понятиями, как честь, достоинство, слава. Римляне воспринимали международные отношения как борьбу за честь и статус между Римом и варварскими народами и доказывали свое превосходство в этом состязании демонстративными военными акциями и завоеваниями. С точки зрения римлян, проявить какую-либо слабость, как, например, уважительное отношение к иноземным народам, неспособность отомстить за понесенное поражение или покарать восстание с показательной жестокостью, означало дать повод для вторжения или мятежа. Поэтому римляне иногда преувеличивали потенциальные угрозы и, рассматривая любое вторжение или неподчинение как покушение на свой престиж, реагировали на них с чрезмерной агрессивностью, предпринимая завоевательные походы и даже не останавливаясь перед тотальным уничтожением противника или по меньшей мере подрывом его военного потенциала. Главное, чего они хотели добиться, – внушить врагу чувство страха перед превосходством Рима. Причем с римской точки зрения ответ на брошенный Риму вызов мог последовать в любое время, даже спустя несколько лет. Так, Юлий Цезарь для оправдания своих действий против племени гельветов, с которых начались Галльские войны, вспоминает то поражение, которое это племя нанесло Лицинию Крассу почти пятьдесят лет назад (*Цезарь*. Галльская война. I. 7; 12–14, 30).

Действительно, многие римские кампании в эпоху Империи (дакийские войны Домициана, парфянская и дунайские войны Марка Аврелия, вторжение Септимия Севера в Шотландию, поход Александра Севера против Персии, германская кампания Максимиана Фракийца) происходили после серьезной длительной подготовки и не могут считаться непосредственной реакцией на возникший кризис. Целью этих ударов была не столько, собственно, оборона, сколько наказание, месть и устрашение противника, то есть установление определенного равновесия в статусных отношениях между Империей и ее врагами. Такими, по сути дела, были и Дакийские войны Домициана и Траяна. Домициан вынужден был реагировать на вторжение даков в провинцию Мёзию в 85 г. н. э., в результате которого римские войска были разбиты, причем в сражении погиб и наместник провинции. Армия, посланная восстановить положение, также потерпела неудачу, и Домициан потратил год, прежде чем снова выступил против даков, но тем не менее вынужден был заключить с ними мир если не позорный для Рима, то явно не почетный. Поэтому для восстановления престижа Римской империи войны против даков в 101–102 и 105–106 гг. продолжил император Траян, который довел дело до полного поглощения Дакии и создания на ее территории новой провинции.

Итак, по своей сути римская стратегия всегда была агрессивной. Нельзя поэтому согласиться с теми историками, которые подчеркивают, что со времен Августа внешняя политика Империи делала выбор в пользу обороны¹⁵. Римляне верили, что самой судьбой им предначертано управлять миром, и не считали, что у их власти могут быть какие-то определенные границы. Они следовали правилу: лучшая защита – нападение.

Полководцы и военачальники Рима с самого начала стремились взять инициативу в свои руки, чтобы сразу продемонстрировать врагу уверенность римской армии в себе. Поэтому высказанное в свое время некоторыми историками обвинение римлян в пристрастии к «окопной войне»¹⁶ несправедливо. Римляне вели войны с великой решительностью,

¹⁵ *Garlan Y.* La guerre dans l'Antiquité. P., 1972. P. 103.

¹⁶ *Fuller J.* Julius Caesar: Man, Soldier and Tyrant. New Brunswick, 1965. P. 74–87. Джон Фуллер основывается только на

настойчиво добиваясь победы. Достигнув же победного результата, римляне, как правило, действовали предельно жестоко. Они иногда не ограничивались разрушением городов и деревень, но стремились максимально уничтожить живую силу противника. Так, в правление Августа Марк Красс подверг почти полному уничтожению фракийское племя бастарнов. Так же поступили Тиберий и Друз в 15 г. до н. э. после завоевания Реции: они «выселили бо́льшую часть наиболее сильных мужчин боеспособного возраста, оставив лишь такое их количество, которого было достаточно, чтобы страна не обезлюдела, но которого не хватило бы, чтобы поднять восстание» (*Дион Кассий*. LIV. 22. 5). С особенной беспощадностью подавлялись восстания провинциального населения, как это было в Паннонии в 6 г. н. э., в Иудее в 66–70 гг. и в 132–135 гг., в Британии в 61 г. и в других случаях. Римляне практиковали такие превентивные меры, как переселение из вновь завоеванной провинции мужского населения боеспособного возраста.

Такие действия римлян, естественно, не могли не восприниматься покоренными народами как проявление врожденной алчности и агрессивности римского народа. В риторически заостренной форме мысль об этом римский историк Тацит вкладывает в уста вождя британских повстанцев Калгака: «Расхитителям всего мира, им уже мало земли: опустошив ее, они теперь рыщут по морю; если враг богат – они алчны; если беден – спесивы, и ни Восток, ни Запад их не насытят; они единственные, кто с одинаковой страстью жаждет помыкать и богатством, и нищетой; отнимать, резать, грабить на их лживом языке зовется господством; и, создав пустыню, они говорят, что принесли мир» (*Тацит*. Агрикола. 30).

нескольких примерах из кампаний Цезаря (Цезарь. Галльская война. I. 8; Гражданская война. III. 44–74) и не учитывает, что использование укрепленных линий отнюдь не делало римские войны столь же медленными и статичными, как в XX в. Римляне обычно покидали эти позиции, как только цель их была достигнута.

Адрианов вал

Ориентация римлян на поддержание своей чести и достоинства обнаруживается не только в крупных военных предприятиях, но и в отдельных элементах римской стратегии. В качестве показательного примера можно вспомнить о походе Цезаря против германского вождя Ариовиста. Для переправы через Рейн Цезарь построил мост, который затем был разрушен (*Цезарь*. Галльская война. IV. 17–19). Очевидно, строительство этого моста, вместо обычного способа форсирования водной преграды с помощью соединенных между собой лодок, было осуществлено не только и не столько ради удобства, но для того, чтобы внушить неприятелю мысль о превосходстве римлян, которым покорны даже большие реки¹⁷. Аналогичную цель, возможно, преследовало и строительство того грандиозного моста через Дунай, который был сооружен по приказу императора Траяна перед началом второй войны против даков (*Дион Кассий*. LXVIII. 13. 1–6). Вместе с тем нельзя исключать, что возведение на границах Империи разного рода инженерных сооружений, сочетавших впечатляющий вид и практическую полезность, могло также преследовать цель занять солдат дисциплинирующим трудом в условиях мира¹⁸. Во всяком случае, такое известное фортификационное сооружение, как грандиозная Стена Адриана в Британии, протянувшаяся на 117,5 км от устья Тайна до Ирландского моря, по мнению некоторых исследователей, больше подходила для задач по контролю за передвижением местных племен и сбором торговых пошлин, нежели для надежной защиты против варварских вторжений извне. Об этом может свидетельствовать очень большое, если не сказать чрезмерное, количество ворот, мало подходящее для сдерживания нападений извне. Примечательно, что уже при преемнике Адриана на императорском престоле, Антонине Пие, этот вал был оставлен и в 160 км к северу от него был построен новый.

Строительство приграничных укреплений. Рельеф с колонны Траяна

¹⁷ Примечательно, что Цезарь, говоря о своем решении переправиться через Рейн, пишет, что переправу на судах он считал не вполне безопасной и не соответствующей его личной чести и достоинству римского народа (Галльская война. IV. 17. 1).

¹⁸ Phang S. E. *Roman Military Service. Ideologies of Discipline in the Late Republic and Early Principate*. Cambridge; New York, 2008. P. 225.

Кстати сказать, античные авторы в качестве мотивов, которыми руководствовались римские правители, затеявая завоевательные кампании, нередко указывают и на необходимость занять войска делом, чтобы «бездеятельность – состояние, опасное для дисциплины, – не испортила воинов», как пишет Веллей Патеркул (Римская история. II. 78. 2), говоря о причинах предпринятых Октавианом походов в Иллирик и Далмацию. Так же и император Септимий Север в 208 г. н. э. начал кампанию в Британии, «видя, что его сыновья стали вести негодный образ жизни, а войска расслабляются от бездеятельности» (Дион Кассий. LXXVII. 11. 1; ср. Геродиан. III. 14. 2).

Римляне всегда высоко ценили победы и завоевания. Стремление римской элиты к отличиям на военном поприще и, соответственно, к славе, которая открывала путь к высшим должностям в условиях острого политического соперничества, было одной из причин агрессивности Римской республики. С установлением монархического строя в форме принципата положение дел в этом плане существенным образом изменилось. Теперь продвижение по ступеням государственной карьеры и назначение на должности провинциальных наместников зависело от расположения императора. А поскольку последний являлся верховным главнокомандующим, то все военные успехи и слава стали связываться в первую очередь с его именем, и правители провинций не могли проявлять такой же самостоятельности и активности, как во времена Республики. Римские историки сохранили слова известного полководца Гнея Домиция Корбулона, которые он в сердцах произнес, когда император Клавдий снял его с должности в самый разгар успешно начатой кампании против германских племен. Император, по словам историка Диона Кассия, отозвал его потому, что, «зная его доблесть и боевую выучку его армии, не желал дать ему усилиться еще более. Получив приказ, Корбулон повернул назад, воскликнув только: «О, как счастливы были полководцы былых времен!» Он имел в виду, что те могли безбоязненно проявлять свою доблесть, тогда как он скован завистью императора» (Дион Кассий. LXI. 30. 4–5; ср. Тацит. Анналы. XI. 20).

Дело еще и в том, что, если кто-либо из военачальников, под чьим командованием были сосредоточены достаточно крупные силы, добивался крупных военных успехов и популярности в войсках и общественном мнении, это могло таить угрозу императорскому единовластию, так как добытая победами слава и почитающая своего командующего армия могли стать достаточными основаниями, чтобы бросить вызов существующему политическому порядку. Доверить армию в 10–12 легионов честолюбивым аристократам означало бы способствовать возвращению того хаоса гражданских войн, который пережила Римская республика в последние десятилетия своего существования.

Тем не менее в период Ранней империи в среде римской аристократии, представители которой занимали высшие командные должности, еще сохранялось стремление прославиться на военном поприще, несмотря на ревнивое отношение императоров. Показателен в этом плане пример Гая Корнелия Галла, который был первым префектом Египта после присоединения его к Римской державе. Занимая этот пост (30–25 гг. до н. э.), он подавил сопротивление египтян и принялся сооружать по всей стране собственные статуи и выбивать хвалебные надписи даже на пирамидах (Дион Кассий. LIII. 23. 5). Одна из такого рода надписей, начертанных на памятнике в Филе, сохранилась. В ней Галл с гордостью указывает, что за 15 дней подавил мятеж в Фиваиде, перечисляет разрушенные им мятежные города и сообщает, что дошел с войском до Нильских порогов, куда еще ни цари Египта, ни римляне не ступали с оружием; пишет он и о том, что принимал посольства от царя Эфиопии, принял его под покровительство и возвел на престол другого владыку. Латинский текст надписи сопровождается переводом на греческий язык, а сам памятник украшен рельефом с изображением всадника, попирающего поверженного врага (ILS 8995= CIL III 14147. 5 = IG Philae II 128). Галл, однако, этим и другими поступками вызвал недовольство Августа и попал в опалу; против него были выдвинуты различные обвинения, и, не дожидаясь суда,

он покончил с собой (*Дион Кассий*. LIII. 23. 6–7). В известной надписи на надгробии Тиберия Плавция Сильвана, наместника провинции Мёзия в правление Нерона, в числе прочих его свершений сообщается о том, что он переселил более ста тысяч жителей заданайских областей (*Transdanuviani*) и заставил их платить подати, вождь варварских племен он принудил поклониться римским военным штандартам и выдать заложников, а царю скифов не позволил предпринять осаду города Херсонеса, «что за Борисфеном» (т. е. в Крыму) (ILS 986). Трудно сказать, в какой степени Плавций сделал все это по собственной инициативе, а в какой – следуя указаниям императора. Сущность его достижений, однако, та же, что и «подвиг» Галла: утверждение превосходства Рима над варварами и мятежниками.

Гордость добытой на войне славой звучит и в посвятельной надписи Луция Апропия Цезиана, который был наместником Африки в 18–21 гг. н. э. По возвращении на родину он воздвиг трофей на горе Эрикс в Сицилии, посвятив его богине Венере Эрицинской. В надписи, начертанной на трофее, прославляются его военные свершения. В честь блестяще завершенной войны с маврами и победы над африканским племенем гетулов он, называя себя полководцем (*belli dux*) и сыном полководца, победителем в честном бою, посвящает богине статуи отца и императора свой счастливый меч и другое оружие и подчеркивает: «Сколь великая явлена доблесть! Меч, обогранный вражеской кровью, затупился от нанесенных ударов, и дополняет трофей копье, которое разило обращенных в бегство варваров дикого вида» (ILS 939). Примечательно, что в данном случае победоносный римский военачальник связывает свои свершения с именем императора.

Римляне продолжали восхищаться военными успехами и доблестями полководцев. Но так или иначе, уже в правление Августа большинство наместников находились под контролем императора и их возможности проявлять инициативу были ограничены.

Разумеется, на протяжении императорского времени римская «большая стратегия» не оставалась неизменной, и в зависимости от конкретных исторических условий и склонностей отдельных императоров менялась. В предельно обобщенном виде в этом развитии можно выделить три основных этапа¹⁹.

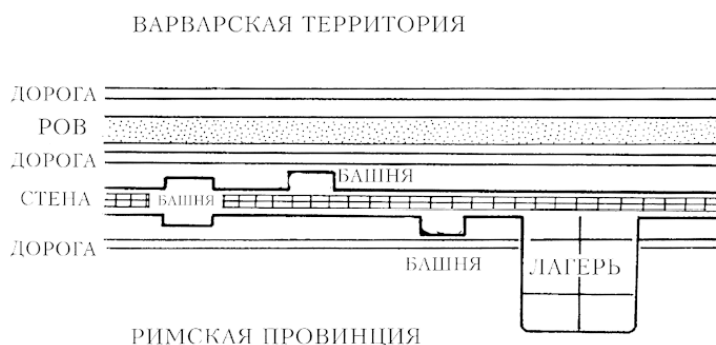
1. Время правления первой императорской династии Юлиев-Клавдиев. Для этого этапа характерны явные гегемонистские устремления Рима. Достаточно сказать, что за свое долгое правление (30 г. до н. э. – 14 г. н. э.) Август почти удвоил владения Римской державы, присоединив к ней в результате завоеваний Египет, ряд областей в Испании, альпийские области Рецию и Норик, Паннонию и Мёзию на Балканах, германские земли по Рейну; Иудея и Галатия вошли в состав Империи мирным путем. Некоторые войны начинались в силу политических и династических причин, другие преследовали и военно-стратегические цели, в частности, обеспечение безопасности коммуникаций в Альпах и на Балканском полуострове. При Калигуле и Клавдии к владениям Империи были присоединены Мавритания и Британия. Для контроля соседних территорий использовалась система клиентских государств, зависящих от Рима.

2. Последняя четверть I в. – начало III в. н. э. В это время можно говорить о переходе к более оборонительной модели, осуществлявшейся по достаточно четко обозначенным рубежам. Римские войска оседают на границах, отделяющих Империю от варварского мира; области, находившиеся под дипломатическим контролем, постепенно подчиняются прямому римскому управлению. Но это была активная оборона, предполагавшая не только создание в варварских землях дорог и аванпостов, но и нанесение мощных превентивных и карательных ударов, а также покорение новых областей, откуда могла исходить потенциальная угроза римским интересам и престижу, как это было в случае завоеваний в Дакии и

¹⁹ Luttwak E. N. The Grand Strategy of the Roman Empire. 2nd ed. Baltimore; L., 1976.

в Месопотамии, осуществленных императором Траяном. Эта стратегия может быть определена как «преграждающая».

3. Период с конца III в., когда после почти 50-летнего кризиса и развала Империя благодаря в первую очередь усилиям императора Диоклетиана смогла восстановить прежнюю целостность и внутреннюю стабильность. Этот период характеризуется переходом к эшелонированной («глубинной») обороне и использованием мобильных сил для реакции на угрозы, возникавшие на разных участках границы. Основные боевые единицы фактически не перемещаются.

Теоретическая схема римской пограничной оборонительной линии

Говоря о римской стратегии, не следует рассматривать это понятие в его современном содержании – как целенаправленно вырабатываемую доктрину, учитывающую геополитические, экономические и военные факторы. Нельзя забывать, что римляне часто не имели достаточной информации и географических знаний об окружающих Империю странах и, кроме того, в высокомерно-самоуверенном сознании собственного военного превосходства не видели нужды в долгосрочном стратегическом планировании, основанном на всесторонней оценке потенциальных угроз и возможных театров военных действий. Можно сказать, что римляне мыслили скорее в категориях политической, а не физической географии, считая главной своей целью не поглощение соседних территорий, но поддержание имперского величия. Римляне никогда не вели войн ради простого захвата территории, но против царей и народов, городов, этнополитических образований.

Можно выделить несколько типов войн, которые велись римлянами в эпоху Империи²⁰.

1. Завоевательные войны, включавшие нападение на независимый народ или государства, которые в случае победы римлян иногда превращались в провинции Империи, а иногда в зависимое клиентское царство или римского «союзника». В таких войнах исход обычно определялся разгромом неприятельской армии в одном или нескольких генеральных сражениях либо же захватом наиболее важных центров противника, имевших политическое и религиозное значение.

2. Войны по подавлению восстаний провинциального населения, имевшие целью восстановление правительственного контроля над мятежными территориями. Иногда эти войны принимали весьма масштабный характер, длились по несколько лет, приводили к массовым жертвам среди местных жителей и стоили римлянам больших усилий. Так было во время великого восстания 6–9 гг. н. э., охватившего сравнительно недавно завоеванные провинции Паннонию и Далмацию, в Иудее, в которой неоднократно вспыхивали мощные

²⁰ Goldsworthy A. The Roman Army at War 100 BC – AD 200. Oxford, 1996. P. 79 ff.; The Cambridge History of Greek and Roman Warfare. Vol. II: Rome from the Late Republic to the Late Empire/Ed. Ph. Sabin, H. Van Wees, M. Whitby. Cambridge, 2008. P. 84–85. Полезный компактный обзор всех известных сражений в эпоху Империи можно найти в книге: Taylor D. Roman Empire at War. A Compendium of Battles from 31 BC to AD 565. Barnsley, 2016.

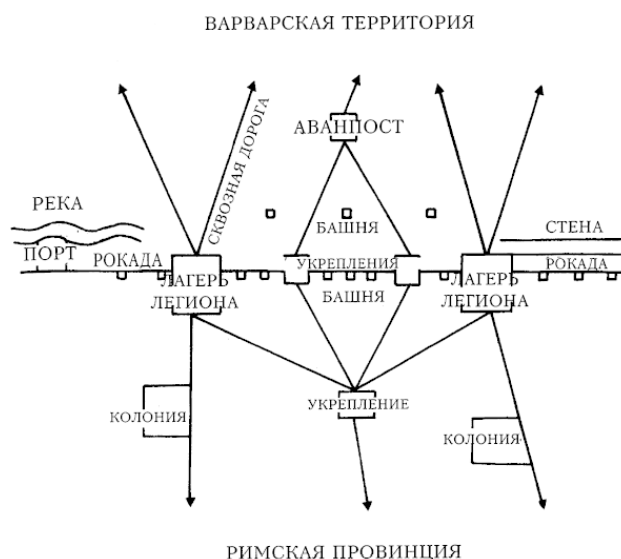
антиримские движения (66–74 гг. н. э., 132–135 гг. н. э.), в Галлии в 69–70 гг. н. э., где восстание местных племен против Рима возглавил Юлий Цивилис, бывший вождь племени батавов, служивший в римских вспомогательных войсках командиром когорты.

3. Карательные экспедиции, имевшие целью устрашение соседнего народа или государства с помощью демонстрации римской мощи, а иногда месть за нанесенное римским войскам поражение. Такого рода военные предприятия, как правило, не заканчивались присоединением соответствующих территорий к Римской державе.

4. Войны, предпринимавшиеся Римом в ответ на вторжения или набеги варваров либо соседних государств вроде Парфии.

Разумеется, в некоторых случаях различные виды войн неразрывно переплетались друг с другом, как это было в знаменитых Галльских войнах Юлия Цезаря.

Наконец, случались в Римской империи и гражданские войны, когда в борьбу за власть вступали несколько претендентов на императорский престол, как это было в 68–69 гг. н. э. после свержения и убийства Нерона, последнего императора первой династии, когда за один год на императорском троне сменилось четверо принцепсов, провозглашаемых различными армейскими группировками, или после устранения императора Коммода в самом конце 192 г. н. э., после чего Империя почти на четыре года погрузилась в смуту и пережила новые гражданские войны, победителем в которых стал Септимий Север, основавший новую правящую династию. После же убийства императора Каракаллы в 217 г. н. э., а в особенности после гибели в результате заговора и солдатского мятежа Александра Севера (235 г.) римское государство почти столетия было охвачено непрерывной чередой узурпаций и междоусобных войн и оказалось на грани полного распада. Понятно, что такие войны по мотивам сражающихся армий и характеру военных действий сильно отличались от войн против иноплеменных врагов. Во-первых, их целью была решительная победа, которая достигалась обычно в одном или нескольких регулярных сражениях. Во-вторых, армии, участвовавшие в таких войнах, имели одинаковое вооружение и тактику, и это были, как правило, наиболее крупные войсковые группировки, включавшие подчас части из разных провинций, так как победа зависела не столько от тактического превосходства, сколько от численности. В-третьих, театром военных действий обычно являлись римские провинции или сама Италия, то есть эти войны происходили в хорошо знакомых географических условиях. При этом ключевое значение приобретал контроль над главными городами и прежде всего самим Римом.

Теоретическая структура организации обороны лимеса

Если при Августе существенную часть границ Римской державы прикрывали клиентские царства, действовавшие как буфер между римскими владениями и варварским окружением, то со временем римляне все больше брали охрану имперских рубежей на себя, располагая армейские части и группировки в виде постоянных гарнизонов непосредственно на границах или в приграничной зоне. Однако теоретически легионы продолжали рассматриваться как вооруженная сила, предназначенная для дальнейшего наступления. Действительно, в период от Августа до Нерона, по всей видимости, постоянных легионных лагерей в провинциях, за исключением Египта, не существовало, а самый ранний пример постоянного лагеря для вспомогательных частей относится ко времени после 40 г. н. э. В первые сто лет принципата легионы оставались мобильными частями, перебрасываемыми в случае необходимости целиком. Вексилляции – выделяемые из состава легиона отдельные отряды численностью до 2000 человек – стали обычным явлением только во второй половине I в. н. э.

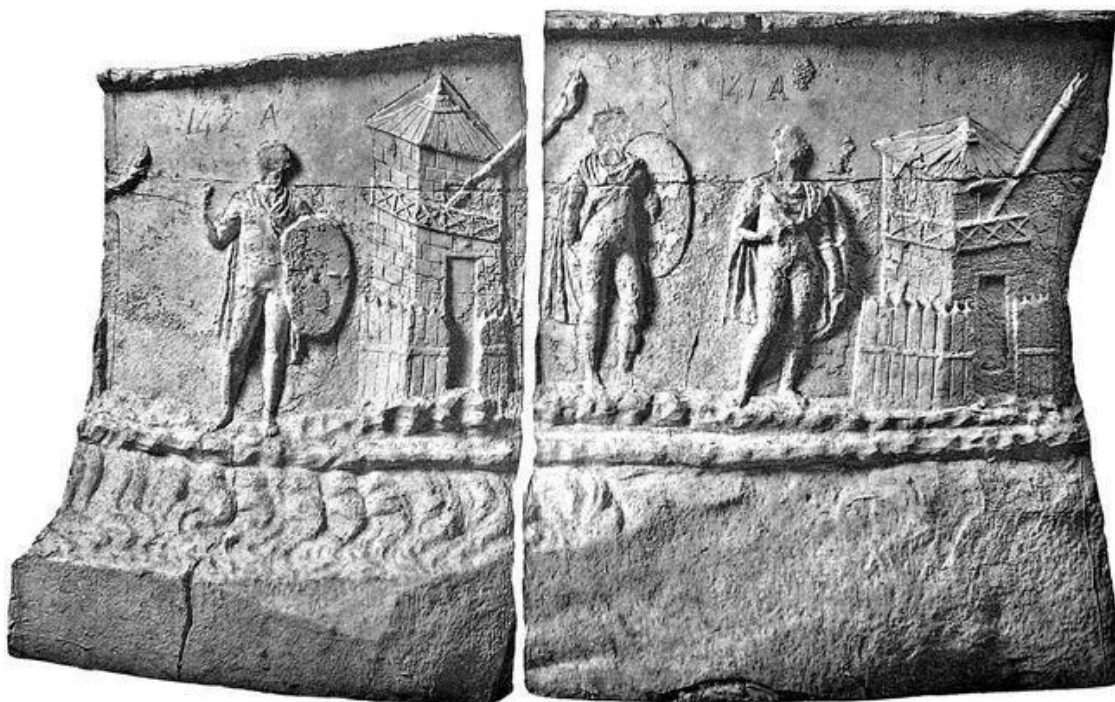
Однако постепенно на протяжении I в. н. э. императорская армия начинала играть преимущественно оборонительную роль, и охрана пограничных рубежей приобретала все большее значение. Легионы осели в местах постоянной дислокации, а между базами легионов размещались гарнизоны из вспомогательных частей, создавая более непрерывный заслон вдоль больших рек и наземных границ. В некоторых случаях группировки из двух легионов были разделены, и каждый легион получил отдельный постоянный лагерь, как это произошло на рейнской границе, где около 30 г. н. э. два легиона, располагавшихся в *Ara Ubiorum* (на месте современного Кёльна), переместились на отдельные стоянки в Бонне и Нойсе. Постоянный лагерь в Ветере, рассчитанный на два легиона, после гражданской войны 69 г. н. э. был заменен крепостью, предназначенной для одного легиона. Такого рода изменения дислокации диктовались не только военными, но и политическими соображениями, имея целью сократить количество сил под началом отдельных командующих.

На западе Империи многие легионные базы со временем превращались в более или менее крупные города, история которых продолжается и в настоящее время. В их числе можно упомянуть Кёльн (*Ara Ubiorum*) и Бонн (*Bonna*) в Нижней Германии, Майнц (*Moguntiacum*) и Страсбург (*Argentorate*), Регенсбург (*Castra Regina*) в Реции, Вена (*Vindobona*) в Верхней Паннонии, Будапешт (*Acquincum*) в Нижней Паннонии, Белград (*Singidunum*) в Верхней Мёзии, Леон (*Legio*) в Испании. В восточной части Римской державы легионные гарнизоны чаще всего размещались в уже существующих городах, таких как Кирр, Зевгма и Самосата, но некоторые имели отдельные постоянные лагеря, на основе которых также вырастали города (например, Мелитена и Сатала в Каппадокии).

Сторожевая башня. Деталь рельефа колонны Траяна

В разные периоды проведение границ и обустройство приграничной зоны преследовали различные цели. Говоря о римской системе контроля за границами, следует иметь в виду следующие принципиальные моменты. Во-первых, границы Римской империи не были строго обозначенной линией, барьером между цивилизованным миром и варварством, но представляли собой некую смешанную зону, в которой проживали и племена, считавшиеся подданными Империи, и народы, которые рассматривались как независимые, но, так или иначе, контролировались римлянами с помощью политических и дипломатических средств. Эти границы часто проходили через территорию одной и той же племенной общины. В том случае, если рубежи проходили по крупным рекам, римляне все равно старались осуществлять контроль территорий на противоположных берегах, распространяя его достаточно далеко.

Система оповещения о приближении неприятеля. Деталь рельефа колонны Траяна

Во-вторых, римские укрепленные пункты (форты и крепости, включая постоянные лагеря легионов, аванпосты, сторожевые башни) размещались главным образом в тех местах, которые позволяли не просто контролировать прилегающие территории, но были важными пунктами коммуникаций, обеспечивали удобный доступ к воде и продовольствию, а стало быть, могли служить базами для концентрации войск с целью проведения новых экспедиций. Пограничная полоса, окружавшая Империю, включала в себя сеть дорог, проходивших боком к неприятелю и служивших для переброски войск, а также «оборонительные линии» – длинные «стены», выстроенные против варваров (Стена Адриана и Антонин Вал в Британии, так называемый Африканский ров, *Fossatum Africae*, в Нумидии, вал, сооруженный в эпоху Флавиев для защиты границы, проходившей между Рейном и Дунаем). Все это и образовывало ту оборонительную систему, которую называют римским лимесом.

Разумеется, эта система имела региональные особенности, обусловленные природными условиями (скажем, наличие крупных рек) и характером потенциальных угроз. Но в целом можно сказать, что римляне полагались на солдат, дороги и стены крепостей, фортов и линейных укреплений.

Небольшая – сравнительно с размерами и населенностью Империи – численность армии является ключевым фактором римской стратегии. Римляне создавали и удерживали свою державу не абсолютным численным превосходством вооруженных сил, которые по своей структуре и организации не подходили для стратегической обороны протяженных границ. Такой размер армии обуславливался прежде всего финансовыми соображениями. Но не следует забывать и о том, что в первые два века н. э. ни один из возможных противников Рима не имел такой же по численности и столь хорошо подготовленной и организованной армии. Племена и племенные объединения Европы редко могли выставить крупные силы под общим командованием. Германцы, галлы, британцы, фракийцы и другие имели полупрофессиональных воинов, хорошо владевших индивидуальными воинскими умениями, часто отличавшихся большой храбростью. Но создаваемые варварами военные формирования не имели, как правило, координированного руководства, налаженного снабжения в долгих кампаниях, не владели приемами осады. Парфяне, создавшие крупную монархию на территории

Месопотамии и прилегающих землях, славились своей конницей, прежде всего конными лучниками, но их пехота не отличалась высокими боевыми качествами, и армия состояла из довольно пестрых контингентов, поставляемых зависимыми царями и знатью. Поэтому римская императорская армия не знала себе равных, особенно в долговременных, крупномасштабных кампаниях, в которых решающими факторами становились дисциплина, выучка, налаженное снабжение, осадные действия, способность действовать за рамками обычного походного сезона.

Современная реконструкция римской деревянной сторожевой башни

Общая численность армии из 28 легионов и соответствующего количества вспомогательных формирований (численность которых обычно равнялась численности легионеров) с учетом преторианской гвардии и городских когорт, расположенных в Риме, а также флота теоретически составляла от 405 500 до 433 500 человек. Из них легионеров было от 140 000 до 168 000 в зависимости от того, какой номинальный состав берется за основу расчетов²¹. По другим, более реалистическим, оценкам, в императорской армии I в. н. э. насчитывалось порядка 375 000 человек, а в первой трети III в., когда численность легионов достигла 33 с соответствующим увеличением вспомогательных войск, эта цифра возросла примерно до 425 000, но едва ли превышала 450 000 человек²². Таким образом, численность армии по

²¹ Holder P. A. *Studies in the Auxilia of the Roman Army from Augustus to Trajan*. Oxford, 1980. P. 217–240; Birley A. R. *The economic effects of Roman frontier policy//The Roman West in the Third Century*/Ed. A. King and M. Henig. Oxford, 1981. P. 39–43.

²² MacMullen R. *How big was the Roman army?*//Klio. 1980. Bd. 62. P. 451–460; *Idem*. *The Roman emperors' army costs*//

отношению ко всему населению Римской империи, которое оценивается в 60–65 млн человек, не превышала 0,5–0,7 %. Однако структура вооруженных сил Империи позволяла вести типично римскую наступательную войну, цель которой заключалась в том, чтобы дать решающее сражение главным силам врага и сделать невозможным дальнейшее сопротивление, захватив города и укрепленные пункты противника.

Вместе с тем Империя была уязвима для одновременной атаки с разных фронтов. В первые два века н. э., если римская армия терпела серьезное поражение на каком-либо направлении, не существовало особого стратегического резерва, который можно было бы незамедлительно перебросить на угрожаемый участок. Чтобы решить возникшие проблемы, приходилось снимать воинские части с других границ, оставляя их неприкрытыми. Такая переброска легионов и вспомогательных частей из мест постоянной дислокации могла нарушить систему прикрытия границ и ослабить внутреннюю безопасность провинций, а кроме того, возможно, не вызывала энтузиазма у солдат, набравшихся на месте. Поэтому в качестве альтернативы римское командование использовало создание так называемых *вексилляций* (*vexillationes*), которые впервые засвидетельствованы в правление Тиберия. Это были сравнительно небольшие, действовавшие самостоятельно части, получавшие особое знамя (*vexillum*, отсюда и происходит их название). Их размер не был стандартным и зависел от характера тех задач, которые перед ними ставились, составляя, как правило, от 1000 до 2000 бойцов (*Тацит. История. II. 18; CIL VIII 2482; X 5829*). Ими командовали препозиты, назначаемые из числа префектов вспомогательных отрядов, примипилов или военных трибунов, в том числе сенаторского ранга (*CIL XIV 3602, 3612*).

Начиная с правления Септимия Севера (193–211 гг. н. э.) и особенно в кризисные десятилетия III столетия, когда Империя подвергается одновременно ударам с разных сторон, проблема мобильного резерва для реагирования на угрозы на разных участках границ встает особенно остро. Ее решение было найдено в разделении вооруженных сил на мобильную полевую армию (*comitatenses*) и войска постоянной дислокации на границах (*limitanei*). Эту реформу, как и ряд других преобразований в военной организации, осуществил император Диоклетиан (284–305 гг. н. э.), с правления которого начинается и новая эпоха в истории Римской империи.

Глава 3

Цена армии

«Если ты назовешь воинов жадными, прибавь, что нет ничего удивительного, если они считают переносимые ими опасности и проливаемую кровь достойными большего вознаграждения; называя их дерзкими, надо помнить, что они более привыкли к войне, нежели к миру».

(Квинтилиан. Воспитание оратора. XI. 1. 88)

В этой главе читателю придется встретиться с довольно большим количеством цифровых данных и расчетов. Это необходимо для того, чтобы понять две очень важные вещи: какие расходы несло римское государство на содержание армии и какие оно создавало материальные стимулы для привлечения в ее ряды новобранцев. Точно установить «цену» армии не представляется возможным, поскольку достоверно не известны ни общая численность военнослужащих, ни их распределение по разным рангам, имевшим различное жалование, ни точные размеры жалования старших офицеров, ни величина жалования солдат вспомогательных войск. Кроме того, следует иметь в виду, что размеры военного бюджета Римской империи могли существенно различаться в спокойные времена и при проведении крупных кампаний. Нельзя забывать и о том, что многие предметы снабжения обеспечивались за счет натуральных податей и повинностей провинциального населения, что позволяло существенно снижать уровень собственно денежных расходов. Так или иначе, солдаты императорской армии представляли собой самую многочисленную группу, находящуюся на жалование, из всех, которые известны в мировой истории до начала Нового времени.

Финансирование армии включало единовременные расходы (на формирование новых частей и подразделений, на замену полностью утраченного вооружения и экипировки, на переброску частей из мест постоянной дислокации на театр военных действий и обратно) и регулярные траты, которые состояли из выплат жалования войскам, вознаграждения ветеранам, расходов на продовольствие, ремонт оружия и снаряжения, содержание и замену лошадей и вьючных животных. Все эти расходы в целом ложились достаточно тяжелым бременем на провинциальное население, которое несло натуральные повинности и платило денежные подати. Лишь отчасти содержание армии и ведение боевых действий окупались за счет военной добычи.

Отметим, что в структуре расходов на армию отсутствовали такие статьи, как пенсии для вдов и сирот погибших солдат. Увольнение в отставку солдат по состоянию здоровья или инвалидности (так называемая уважительная отставка – *missio causaria*), по всей видимости, не предполагало особых денежных компенсаций. Если что-то и выплачивалось, то это рассматривалось как отдельное благодеяние. Во всяком случае, император Каракалла в начале III в. н. э. постановил, что при такой отставке положенное ветерану вознаграждение выплачивалось в полном объеме только при условии 20 лет безупречной службы (Кодекс Юстиниана. V. 65. 1).

Основную часть в расходах на армию, очевидно, составляло жалование солдат и офицеров. Солдатское жалование называлось «стипендий» (*stipendium*), и поскольку оно после установления при Августе долгосрочной службы стало годовым, этим словом обозначали также год, проведенный на армейской службе. В первое столетие принципата стипендий рядового легионера составлял 225 денариев (таким он стал после двукратного повышения Цезарем) и выплачивался три раза в год. В 84 г. н. э. император Домициан увеличил солдатское жалование на треть до 300 денариев, добавив четвертую выплату (*Светоний. Доми-*

циан. 7. 3; *Дион Кассий*. LXVII. 3. 5). Оно не менялось еще более ста лет – до 197 г., когда Септимий Север произвел существенное повышение²³. На протяжении первой трети III в. императоры, желая упрочить поддержку со стороны солдат, еще несколько раз повышали жалование: в 212 г. это сделал Каракалла, а в 238 г. – Максимин Фракийец, который еще раз удвоил жалование (*Геродиан*. VI. 8. 8). О точных размерах солдатского стипендия после этих повышений ученые продолжают спорить, не имея в своем распоряжении достаточного количества свидетельств. Судя по некоторым данным, при Максимине он мог достигать 1800 денариев, что означает шестикратное увеличение по сравнению с концом I в. н. э. В любом случае эти повышения были направлены прежде всего на обеспечение солдатской преданности императорам в немалой степени за счет гражданского общества. Этот принцип с циничной прямотой выразил Септимий Север, который, как сообщает Дион Кассий (LXXVII. 15. 2), умирая, сказал своим сыновьям: «Живите дружно, обогащайте солдат и не обращайтесь внимания на остальных». Не нужно, однако, забывать, что со времен Марка Аврелия (161–180 гг.) начинается очень существенный рост цен, и увеличение размеров солдатского жалования призвано было компенсировать обесценивание денег. Высказывалось даже мнение, что повышения жалования, произведенные Севером и Каракаллой, отнюдь не увеличили покупательную способность солдат²⁴.

Следует помнить, что среди легионеров были разного рода специалисты и младшие командиры, которые получали полуторное, двойное или тройное жалование (они именовались, соответственно, *sesquiplarii*, *duplicarii* и *triplicarii*). Центурионам полагалось жалование, в 15 раз превосходившее то, которое получал рядовой, а жалование старшего центуриона легиона (примипила) в 60 раз превышало солдатское. Размеры жалования, выплачиваемого легионным всадникам и солдатам вспомогательных войск, остаются неясными. Предполагается, что первые получали, вероятно, на 1/6 больше пехотинцев, так как из их жалования делались вычеты на фураж для коней. Что касается вторых, то в последнее время была аргументирована точка зрения, что они получали примерно столько же, сколько и легионеры²⁵. Ранее же исследователи сильно расходились в цифрах, определяя жалование пехотинца вспомогательных войск от 5/6 до 1/3 жалования легионера²⁶.

Однако на руки солдатам выплачивалась лишь меньшая часть жалования. Из солдатского стипендия делались разного рода вычеты – на питание, одежду, обувь, фураж, на лагерные празднества и т. д., а также отчисления и на покрытие стоимости оружия и снаряжения, которые легионер получал от государства (впрочем, он мог вооружиться и за собственный счет, если позволяли доходы семьи). Тацит ярко передает мнение солдат об этой практике: «Душа и тело оцениваются десятью ассами²⁷ в день; на них же приходится покупать оружие, одежду, палатки, ими же откупаться от свирепости центурионов, ими же покупать у них освобождение от работ» (*Анналы*. I. 17).

Как правило, удерживалось около 2/3 жалования. В легионах велась соответствующая документация, которой ведали знаменосцы: на этот пост назначались наиболее авторитетные и грамотные солдаты (*Веgeций*. II. 20). Производились ли вычеты из жалования офицеров, не известно.

²³ Оценки этого повышения расходятся. По мнению Р. Алстона (*Alston R. Roman Military Pay from Caesar to Diocletian//Journal of Roman Studies*. 1994. Vol. 84. P. 113–123), Север повысил солдатское жалование наполовину – с 1200 до 1800 сестерциев (с 300 до 450 денариев). М. А. Спейдель считает, что жалование было повышено до 2400 сестерциев, т. е. вдвое (*Speidel M. A. Roman army Pay Scales//Journal of Roman Studies*. 1992. Vol. 82. P. 87–105).

²⁴ *Duncan-Jones R. Money and Government in the Roman Empire*. Cambridge; New York, 1994. P. 29.

²⁵ *Alston R. Roman Military Pay from Caesar to Diocletian//Journal of Roman Studies*. 1994. Vol. 84. P. 113–123.

²⁶ *Ле Бозк Я. Римская армия эпохи Ранней империи*: Пер. с франц. М., 2001. С. 320. Сам Ле Бозк считает более правдоподобным последнее соотношение.

²⁷ *Асс* – мелкая монета. 10 ассов равнялись 4 сестерциям.

Учитывая то обстоятельство, что зерно, составлявшее основу солдатского рациона, а также фураж и некоторые другие продукты, а также, возможно, некоторые предметы одежды государство получало в виде натуральных податей или из императорских поместий и мастерских и в случае необходимости могло устанавливать на них фиксированные цены, можно говорить о существенной экономии наличных средств при использовании системы вычетов из солдатского жалованья. Но на протяжении II в. н. э. размеры вычетов уменьшались в пользу выплаты наличных, и система отчислений из жалованья была окончательно отменена при Септимии Севере, что наряду со значительным повышением размеров самого жалованья вело к очень существенному росту государственных расходов. Бюджетный дефицит покрывался за счет увеличения налогов и уменьшения содержания серебра в монете, что вело к обесцениванию денег и инфляции. В особо критических ситуациях, как в период маркоманнских войн в правление Марка Аврелия, приходилось прибегать и к более крайним средствам, вплоть до распродажи сокровищ императорского дворца (*Писатели истории Августов*. Марк Аврелий. 17. 4–5); дурные же императоры вроде Калигулы, Нерона, Коммода, Каракаллы прибегали к конфискациям имущества крупных собственников.

Говоря о солдатском жалованье, нужно иметь в виду, что *stipendium*, который впервые появился в римском войске еще в самом конце IV в. до н. э. во время долгой войны с этрусским городом Вейи, с точки зрения римлян не был тождествен заработной плате наемных работников. Труд по найму, считали римляне, не может быть почетным, более того, делает человека рабом. Солдатское жалованье рассматривалось скорее как компенсация тех тягот, лишений и опасностей, которые сопряжены с выполнением воинского долга. Его размер был и показателем почетности того или иного ранга. Различные материальные выгоды, получаемые на военной службе солдатами, как прямые выплаты, так и освобождение от налогов и наградные при выходе в отставку, определялись всем сроком службы. Поэтому службу в римской армии действительно можно определить как своеобразную форму постепенного накопления капитала²⁸. На почетный характер получаемого воинами жалованья наглядно указывает тот факт, что его выплата сопровождалась торжественным парадом, проводимым в лагере (*Иосиф Флавий*. Иудейская война. V. 9. 1). Иногда раздачу жалованья осуществлял высокопоставленный военачальник, прибывавший с инспекцией в ту или иную воинскую часть, как это сделал Арриан, объезжавший по поручению Адриана черноморские гарнизоны (*Арриан*. Перипл Понта Евксинского. 6. 1–2; 10. 3). Интересно, что выплаты солдатам часто производились в золотых монетах (*aurei*), что, во-первых, было символично, так как золото считалось царским пожалованием, а во-вторых, экономично, поскольку требовалось меньше затрат на транспортировку крупных сумм; к тому же крупные денежные единицы труднее было потратить сразу. Один золотой ауреус соответствовал 25 серебряным денариям. Поэтому все выплаты были кратны 25.

Отметим также, что новобранцы, направлявшиеся к месту прохождения службы, получали из казны на покрытие путевых расходов подорожные (*viaticum*), составлявшие немалую сумму – 75 денариев (треть годового жалованья), одинаковую и для легионеров, и для воинов вспомогательных войск²⁹. Эта сумма выплачивалась не сразу после записи на службу, но после прибытия в лагерь воинской части, чтобы у новобранцев по дороге не было соблазна сбежать с тремя золотыми в кармане. Если расходы на проезд до места службы были меньше, то оставшаяся сумма откладывалась в кассу части.

Если принять численность легиона в 5240 человек, то в конце правления Августа на жалованье солдат 25 легионов расходовалось 118,35 млн сестерциев; легионные центурионы разных рангов (1350 обычных, 125 *primi ordines* и 25 примипилов) получали в общей слож-

²⁸ Carrié J.-M. Il soldato/L'uomo romano/A cura di A. Giardina. Bari, 1989. P. 125.

²⁹ Watson G. R. The Roman Soldier. N. Y.; Ithaka, 1969. P. 44.

ности около 23 млн³⁰. Совокупное жалование преторианских когорт составляло около 27 млн сестерциев; вспомогательные войска получали порядка 117,9 млн³¹, городские когорты и вигилы (без учета офицеров) – 10,8 млн и, наконец, 15 тысяч флотских солдат – 13,5 млн³².

В середине I в. н. э. для оплаты жалования 28 легионов, примерно 150 000 солдат вспомогательных войск, а также тех, кто служил на флоте, в преторианских и городских когортах, требовалось не менее 100 млн денариев в год, причем почти половина шла на вспомогательные войска, которые обеспечивали бо́льшую часть кавалерии³³, и одна треть – на легионы. В конце II в., когда число легионов достигло 30 и возросла численность вспомогательных частей, расходы на армию могли составлять порядка 600 млн сестерциев, а при Северах достигать 1127 млн сестерциев (включая наградные при отставке). Если учесть, что в начале I в. н. э. государственные доходы составляли от 200 до 250 млн денариев, то нетрудно посчитать, что содержание армии, по самым скромным, но наиболее вероятным оценкам, поглощало от 40 до 50 % государственных доходов. И это не считая денежных подарков и наградных выплат при увольнении в отставку, которые выплачивались, соответственно, из императорских средств и специальной военной казны.

Денежные подарки, называвшиеся донативами (*donativa*), выплачивались legionарам и преторианцам; солдаты вспомогательных войск стали получать такие выплаты только в правление Адриана (117–138 гг.). Со временем донативы стали достаточно регулярными, приурочиваясь ко дню рождения императора, дате его восшествия на престол, триумфам и т. п. случаям. В отличие от жалования, которое выплачивалось из государственной казны, пополняемой собираемыми с провинциалов налогами, донативы выплачивал сам император из своих частных средств (*patrimonium*). Это обстоятельство подчеркивало их характер как личного благодеяния и щедрости правителя по отношению к армии. От Августа до Септимия Севера чаще всего размер такого подарка составлял 250 денариев. Но были и исключения. Август однажды выплатил воинам из граждан по 2500 денариев; Клавдий после своего восшествия на престол в 41 г. н. э. заплатил каждому преторианцу по 3750 денариев, Марк Аврелий еще больше – по 5000, что в сумме составляет около 60 млн денариев. Отметим, что донативы не выдавались полностью на руки солдатам: половина их удерживалась в общей кассе легиона, и эти деньги можно было получить только по выходе в отставку. Это делалось для того, чтобы воины не истратили их на удовольствия. Сундуки с легионной кассой хранились вместе со штандартами в знаменном святилище (*apud signa*), которое постоянно охранялось караулом. Делалось это, как пишет Вегеций (II. 20), для того, чтобы воин, который знал, что его деньги лежат в лагерной кассе, не помышлял о дезертирстве и храбрее сражался за знамена в бою.

Существенную долю военного бюджета составляли выплаты наградных выходившим в отставку ветеранам (*praemia militiae*). С 13 г. до н. э. при отставке ветеранам вместо надела земли стали выплачивать соответствующую сумму наличными (*praemia nummaria*). Как мы уже отмечали, Август создал для этих целей специальную военную казну, внося в нее 170 млн сестерциев собственных средств в качестве начального капитала, а затем ввел новые налоги, которые касались в основном состоятельных слоев населения. Размер «выходного пособия» был установлен в 3000 денариев для легионеров и 5000 для преторианцев. Это была достаточно серьезная сумма. Если легионер-ветеран вкладывал полученное при отставке вознаграждение под 6 % годовых, то он мог ежегодно на протяжении 14 лет полу-

³⁰ *Speidel M. A. Roman army pay scales//Journal of Roman Studies. 1992. Vol. 82. P. 87–105.*

³¹ Мы принимаем точку зрения Р. Алстона, что солдаты вспомогательных войск получали примерно столько же, сколько и легионеры (*Alston R. Roman Military Pay from Caesar to Diocletian//Journal of Roman Studies. 1994. Vol. 84. P. 113–123.*)

³² *Campbell B. War and Society in Imperial Rome, 31 BC – AD 284. L., 2002. P. 175–176.*

³³ Жалование кавалеристам выплачивалось с учетом расходов на содержание коня.

чать 300 денариев, то есть такую же сумму, какую составлял его стипендий. В 215 г. н. э. Каракалла увеличил «выходное пособие» до 5000 и 6250 денариев соответственно легионерам и преторианцам.

Ежегодно из одного легиона подлежали увольнению в отставку порядка 120 человек, что при количестве легионов 25–30 дает 3–3,6 тысячи ветеранов в год. Еще примерно столько же – из ауксильев. То есть всего 6–7 тыс. ветеранов в возрасте от 45 лет. Соответственно, общее число ветеранов в Империи составляло 100–120 тыс., то есть $\frac{1}{3}$ – $\frac{1}{4}$ численности армии. Если принять число ежегодно увольняемых легионных ветеранов в 3000 человек, то общая сумма наградных составит 9 млн денариев (солдаты-ауксиларии ветеранского вознаграждения не получали). Сюда надо добавить также преторианцев и ветеранов городских когорт, что дает еще 1,7 млн денариев. Если прибавить повышенные премии выходящим в отставку центурионам, то наградные выплаты в I в. н. э. теоретически составляли около 14 млн денариев.

Рельеф с изображением преторианцев или группы офицеров. I в. н. э. Лувр

Наградные ветеранам, достаточно существенные сами по себе, выплачивались единовременно, что требовало изыскания больших сумм наличных денег. Некоторые императоры, чтобы сэкономить на этих выплатах, под разными предлогами старались удержать ветеранов в строю, откладывая увольнение в отставку. Так поступал уже Август, и это стало одной из причин вспыхнувшего после его смерти в 14 г. н. э. мятежа легионов в Паннонии и Германии (*Тацит. Анналы. I. 17*). Так же действовал и Тиберий, понимая, что чем дольше солдаты удерживаются под знаменами, тем меньше в силу естественной смертности будет ветеранов (*Светоний. Тиберий. 48. 2*).

В целом же, согласно современным исследованиям, немногим более половины новобранцев, поступивших на службу в легионы, доживали до выхода в отставку. Это, между

прочим, означает, что средняя продолжительность жизни солдат даже превосходила соответствующий показатель среди гражданского населения³⁴. Смертность же в результате военных действий в период принципата была значительно меньше, чем в эпоху Средней республики, — она составляла около 2,6 % от всех войск или 8,8 % от численности армий, активно задействованных в военных действиях, по оценке Н. Розенштайна³⁵. Интенсивные боевые действия в период принципата велись в Иллирии и Германии во время восстаний местных племен при Августе, в гражданских войнах после смерти Нерона и при Септимии Севере, в Иудейских войнах, дакийских войнах Домициана и Траяна, Парфянских войнах Траяна, Вера и Севера, маркоманнских войнах Марка Аврелия. Все эти войны занимают около 50 лет из более чем 200 лет. Если предположить, что примерно треть армии (100 тыс. человек) была вовлечена в активные действия (каждый четвертый год), то ежегодный риск серьезных военных действий составит 1 к 12 в каждый данный год. Иначе говоря, каждый солдат, доживавший до отставки, был занят на войне всего два года из 25 лет службы. Если солдаты имели 10-процентный шанс быть убитыми в сражении в каждый год интенсивных боев, то средний риск насильственной смерти составлял до 0,8 % в год (или 2400 смертей в армии численностью 300 тыс. человек). Но и эта цифра представляется слишком высокой, так как она означала бы потерю 10 тыс. солдат в каждый год масштабных кампаний. Действительные потери в боях вряд ли превышали более чем на 10 или 20 % общую смертность военных. Это не значит, что в целом и в среднем боевые потери были незначительными. Но они были очень неравномерно распределены. В то время как отдельные части в определенные времена несли непропорционально серьезные потери, другие оставались практически не затронутыми в течение долгого времени. Так, 239 ветеранов VII Claudia, уволенные в отставку в 160 г., не имели опыта реальных сражений на протяжении всей своей 25–26-летней службы (CIL III 8110).

К названным выше расходам нужно прибавить те немалые средства, которые требовались на обеспечение армии лошадьми и тягловыми животными. По расчетам ученых³⁶, если учесть, что одна лошадь служила в среднем 4 года, то ежегодно в армии необходимо было заменить 30 000–40 000 лошадей в мирное время. При цене одной лошади в 125 денариев на это требовалось от 3,75 до 5 млн денариев в год.

³⁴ Scheidel W. Rekruten und Überlebende: Die demographische Struktur der römischen Legionen in der Prinzipatszeit//Klio. 1995. Bd. 77. S. 232–254; Idem. The Demography of the Roman Army//Measuring Sex, Age and Death in the Roman Empire. Ann Arbor, Michigan, 1996. P. 93–138.

³⁵ Rosenstein N. Rome at War: Farms, Families, and Death in the Middle Republic. Chapel Hill, 2004. P. 107–140.

³⁶ Herz P. Finances and Costs of the Roman Army//Companion to the Roman Army... P. 315–316.

Фреска из Дура-Европос с изображением жертвоприношения

Немалых средств, по всей видимости, требовало проведение официальных празднеств и отправление культов в армии. Как показывает римский военный календарь, сохранившийся на папирусе III в. н. э. (P. Duranum. 54), ежегодно было по меньшей мере 50 официальных празднеств, во время которых совершались жертвоприношения обычно в виде скота или вина и благовоний. В одной только Британии, по некоторым оценкам, ежегодно требовалось около 2000 голов скота для жертвоприношений³⁷. Кроме того, каждое утро дежурный офицер совершал жертвоприношение, что также стоило денег. Неясно, предназначались ли для их проведения те 12 денариев, которые отчислялись *ad signa*. Возможно, что офицеры частично оплачивали эти мероприятия из своих средств.

Помимо прямых денежных выплат военнослужащим и казенных расходов на снабжение войск всем необходимым, в цене армии нельзя не учитывать те траты и издержки на ее содержание, которые ложились на плечи провинциальных городских общин. Многие города и селения несли не только бремя налогов и податей, но должны были выполнять натуральные повинности по размещению войск и обеспечению транспорта. Расквартирование солдат на постой – эта повинность называлась *hospitium* – немало стоило провинциалам. Солдаты и офицеры, находившиеся в командировке или в походе, получали официальный документ (*diploma*) от своего командования, который давал им право требовать от гражданских лиц размещения и питания. Но часто солдаты не платили за предоставляемые услуги, на что провинциалы нередко жаловались местным властям (или даже самому императору), которые обе-

³⁷ Breeze D., Dobson B. Roman Officers and Frontiers. Stuttgart, 1993. P. 530–534.

щали пресекать подобные беззакония, но часто без особого успеха (CIL III 12336; OGIS 609). Это подтверждается одним любопытным папирусным документом из Египта, датированным около 133–137 гг. Он представляет собой официальное распоряжение префекта Египта Марка Петрония Мамертина. В документе говорится, что до него дошли сведения о том, что многие воины без подтверждения своих полномочий ходят по окрестным селениям, требуют сверх должного лодки, ценности, людей, забирая одно для собственной надобности, другое – для того, чтобы снискать благорасположение начальства. В результате их наглости обывателям причиняется ущерб, а войско позорит себя алчностью и беззаконием. Поэтому префект, грозя строгими карами, категорически предписывает военачальникам и чиновникам не допускать подобные вещи (Select Pap. II, 221 = Daris, 49). Видимо, это было достаточно обыденным явлением. Два крупнейших юриста начала принципата Сервий Сульпиций и Антистий Лабен, обсуждая обязательственные отношения между землевладельцем и держателем, как на вполне обычный факт указывали на воровство и грабежи со стороны солдат, проходивших мимо поместий (Дигесты. 19. 2. 15. 2; 19. 2. 13. 7).

На гражданское же население возлагалась большая часть транспортных расходов, связанных с предоставлением тягловых и вьючных животных, повозок и работников (*angaria*), а также транспортных кораблей (*naves frumentariae*); в лучшем случае эти расходы компенсировались по номинальной цене, в худшем – необходимые средства просто реквизировались без какой бы то ни было оплаты. Городские общины на Востоке, по-видимому, специально чеканили монету, чтобы оплачивать продвижение войск по их территории. Ответственность за все это возлагалась на местные власти. В I–III вв. города и провинции Империи, таким образом, несли немалую долю расходов по содержанию и снабжению армии, части которой размещались на их территории в постоянных лагерях или проходили, направляясь на войну.

Об организации снабжения войск во время военных кампаний речь будет идти ниже (глава 12). Здесь же отметим только, что на войне обязанности по снабжению войск, как и в период республики, возлагались на «друзей и союзников римского народа» (ср., например: *Иосиф Флавий*. Иудейские древности. XIV. 408; *Тацит*. Анналы. XIII. 7; 8; XV. 25; История. V. 1). Продолжало, разумеется, действовать и правило, сформулированное Катонем Старшим: война сама себя кормит (*Ливий*. XXXIV. 9. 12).

Армия частично обеспечивала сама себя не только на войне. Легионам в местах постоянной дислокации выделялась специальная земля (*territorium (prata) legionis*), на которой пасли коней и скот и занимались земледелием. Отчасти это делали сами солдаты, отчасти же гражданские лица или ветераны, которым эта земля сдавалась в аренду государством.

Вместе с тем при всех колоссальных издержках и расходах, которые шли на содержание вооруженных сил, невозможно оценить в финансовых показателях тот эффект, который давали политическая стабильность, внешняя и внутренняя безопасность державы, обеспечиваемые армией. С другой стороны, армия была наиболее организованной и квалифицированной рабочей силой в Империи. Военные строили не только военные укрепления и лагеря, но также дороги, мосты, порты и акведуки, которые предназначались и использовались гражданским населением, занимались разработкой полезных ископаемых в рудниках и каменоломнях, производили керамические изделия.

Все эти моменты создают сложную картину, и при современном уровне наших знаний невозможно точно оценить реальную стоимость содержания армии и военный бюджет Империи. Важно подчеркнуть, что общая налоговая политика императорского правительства, предполагавшая сравнительно невысокие налоги, и высокий уровень расходов на непроизводительные гражданские нужды (развлечения, зрелища, благоустройство) существенно ограничивали объем военных расходов. Эти ограничения, в свою очередь, обуславливали необходимость содержать относительно небольшую армию.

Вместе с тем, ориентируясь на преимущественно добровольное комплектование легионов и привлечение к службе качественного пополнения, власти императорского Рима должны были предпринимать комплекс мер, чтобы сделать жизнь военных достаточно сносной и компенсировать определенными юридическими привилегиями и материальными выгодами профессиональный риск, многочисленные тяготы и лишения, связанные с требованиями дисциплины и выполнением боевых задач. В период Ранней империи, судя по всему, правительству удавалось достаточно успешно справляться с этой задачей. В целом условия быта и жизни римских солдат были вполне приемлемы, а возможно, даже лучше, чем у значительной массы рядовых граждан, принадлежавших к плебсу; общий уровень благосостояния солдат по сравнению с массой рядового населения (особенно провинциального) имел тенденцию к неуклонному повышению в период Ранней империи. Во всяком случае, не подлежит никакому сомнению, что в императорском Риме была создана образцовая для Античности система социальных гарантий военным, которая, очевидно, имела и вполне определенную политическую цель – обеспечить лояльность войск императорской власти и не допустить их политической активности, подобной той, что имела место в конце Республики³⁸. Этой же цели служила и разработанная, постоянно совершенствовавшаяся система юридических привилегий, которые предоставлялись ветеранам и, помимо соответствующего почета, давали солидные материальные преимущества, выражавшиеся в освобождении от налогов и повинностей и сопоставимые по своей стоимости с теми суммами, что получали выходившие в отставку солдаты в качестве наградных.

³⁸ *Wesch-Klein G. Soziale Aspekte des römischen Heerwesens in der Kaiserzeit. Stuttgart, 1998. S. 201; 207.*

Глава 4

Император и войско

«...Воинам полагается получать приказы и награды только от императора и больше ни от кого».

(Тацит. Анналы. VI. 3. 1. Слова императора Тиберия)

«...Присягающие вам и вписываемые на службу воины держатся данного слова и предпочитают это и собственной жизни, и родителям, и отчизне, и всем домашним, несмотря на то что вы не можете доставить им нетленной награды...»

(Святой Юстин Философ. Апология I. 39)

Падение республиканского строя и установление в Риме единовластия в форме принципата произошло во многом благодаря армии. Именно легионы привели к власти Октавиана, и императорская власть никогда не могла отречься от своего революционного и военного происхождения. Власть императора, безусловно, опиралась на армию, зависела от поддержки легионов. Чтобы заручиться этой поддержкой, правителям Империи приходилось выстраивать особые отношения с армией, носившие во многом персональный характер. Требуя от своих войск стойкого перенесения тягот и лишений военной службы, дисциплины, личной преданности и политической лояльности, императоры, сосредоточившие в своих руках монополию на верховное распоряжение армией и покровительство солдатам, брали на себя обязательства обеспечивать материальное благополучие, почести и различные привилегии военнотружущих во время службы и по выходе в отставку. В свою очередь, солдаты видели в императоре не просто правителя, но верховного главнокомандующего, которому приносили присягу, и покровителя – патрона, как говорили римляне, с которым были связаны узами личной верности. Для любого принцепса важно было также утвердить и в общественном мнении, и прежде всего среди солдат свой образ как победоносного полководца, чьей прозорливости, доблести и счастьем Рим обязан своими военными достижениями.

Военная служба стала рассматриваться как служба не столько государству, сколько лично императору, а сама армия – как принадлежащая персонально ему не только в силу его полномочий главнокомандующего, но и на основе обязательств персонального характера. В этом заключалось коренное отличие от ситуации периода Республики, когда, по словам Цицерона (Филиппики. X. 12), все легионы и все войска, где бы они ни находились, считались принадлежащими Республике. Император Тиберий, заявивший по восшествии на престол, что «воины принадлежат не ему, а государству» (Дион Кассий. LVII. 2. 3), явно лукавил. Уже в правление Августа выходит из употребления прежнее официальное наименование армии, которое звучало «легионы (войска) римского народа». Сам Август в своих «Деяниях» использует такие выражения, как «мои воины», «мое войско», «мой флот» (Деяния Божественного Августа. 15; 26; 30). Воины же в надписях нередко прямо указывают на то, что они сами или их легион принадлежат императору. В одной из надписей центурион Гай Эдузий именуется «центурион XXXXI легиона Августа Цезаря» (ILS 2231). Ветераны в надписях называют себя «ветеранами Августа», как, к примеру, в надписи, отмечающей почести, предоставленные городом Немаусом ветерану XVI легиона Юлию Фесту – «отставному солдату Тиберия Цезаря Августа, сына Божественного Августа» (CIL XII 3179 = ILS 2267). С

именем императора связывается получение наград, почетной отставки и привилегий³⁹. Примечательно, что в период принципата официальные письма императоров начинались фразой: «Если вы здоровы, хорошо; я и мои легионы здоровы».

³⁹ *Eck W.* Monumente der Virtus. Kaiser und Heer im Spiegel epigraphischer Denkmäler//Kaiser, Heer und Gesellschaft in der römischen Kaiserzeit. Gedenkschrift für Erick Birley/Hg. G. Alföldy, B. Dobson, W. Eck. Stuttgart, 2000. S. 483–496, особенно S. 493 ff.; *Эк В.* Император во главе войска. Военные дипломы и императорское управление//Вестник древней истории. 2004. № 3. С. 44 сл.

Император Октавиан Август. Статуя с виллы Ливии у Прима Порта

Все воины были связаны с императором присягой (*sacramentum militiae*), которую они приносили через несколько месяцев после записи на службу, перед тем как их вносили в списки части. Потом эта присяга на имя правящего императора каждый год возобновлялась сначала 1 января, а начиная с правления династии Флавиев – 3 января. Точная формула присяги и особенности самой процедуры ее принесения в императорское время остаются неизвестными ввиду скудости имеющихся свидетельств. Судить об этом мы можем только по косвенным данным. Важно, однако, подчеркнуть, что в институте воинской присяги императорского времени, как и в других установлениях, обнаруживается противоречивое сочетание старинных традиций и принципиально новых моментов⁴⁰. В эпоху Республики собранные для ежегодной кампании легионы приносили клятву консулам, что будут следовать за ними, куда бы их ни повели, не покидать строй и повиноваться начальникам (Полибий. VI. 21. 1–3; Дионисий Галикарнасский. Римские древности. X. 18; XI. 43; Ливий. XXII. 38. 1). В этом случае законно избранный магистрат, наделенный высшей государственной властью, включавшей и право совершать священнодействия (ауспиции), без которых римляне не мыслили отправление властных полномочий, выступал прежде всего в качестве посредника между войском и богами и только как таковой мог требовать присяги и повиновения⁴¹. В период Империи центральным пунктом воинской присяги, очевидно, стала личная верность принцепсу, которая предполагала повиновение ему не только и не столько как законному носителю сакральной, военной и государственной власти, сколько как конкретной личности. Неслучайно философ Эпиктет, рассуждая о служении высшему разуму, приводит сравнение с воинской присягой, которая требует от солдат превыше всего ставить спасение цезаря (Беседы. I. 14–17). Показательно, что присяга могла быть принесена воинами еще до того, как провозглашенный войском император официально признавался сенатом и народом⁴². Образцом здесь, возможно, послужила та клятва, которую жители Италии и западных провинций принесли Октавиану в 32 г. до н. э. перед объявлением войны Антонию и Клеопатре. Кроме того, воинская присяга, судя по некоторым косвенным свидетельствам, в императорское время стала включать обязательство хранить преданность не только императору как главнокомандующему, но и его семейству, как в клятвах, даваемых сенаторами и другими гражданами (например, ILS 190; Дион Кассий. LX. 9. 2). Важно также отметить, что со времени Августа присяга приносилась на имя принцепса войсками, расположенными не только в императорских, но и в сенатских провинциях, которыми формально управляли наместники, назначаемые сенатом, и все воины считались связанными одной присягой, принесенной одному императору-главнокомандующему (Тацит. История. IV. 46). Вместе с тем в формулу присяги, возможно, включалось обязательство быть готовым пожертвовать жизнью ради римского государства. Во всяком случае, на это указывает свидетельство Вегеция. Он писал уже в то время, когда христианство стало официальной религией Римской империи, и поэтому в приводимой им формуле присяги упоминается Святая Троица, но в остальном содержание воинской клятвы скорее всего восходит ко временам Ранней империи. Воины, пишет Вегеций (II. 5), «клянутся именем Бога, Христа и Святого Духа, величеством императора, которое человеческий род после Бога должен особенно почитать и уважать. Как только император принял имя Августа, ему, как истинному и воплощенному Богу, должно оказывать верность и поклонение, ему должно воздавать самое внимательное служение. И част-

⁴⁰ Общий обзор происхождения и истории римской воинской присяги, а также специальный анализ ее роли в отношениях императора и войска см.: *Hebblewhite M. Sacramentum Militiae: Empty Words in an Age of Chaos/Circum Mare: Themes in Ancient Warfare*/Ed. J. Armstrong. Leiden; Boston, 2016. P. 120–141.

⁴¹ *Токмаков В. Н.* Воинская присяга и «священные законы» в военной организации Раннеримской республики//Религия и община в Древнем Риме. М., 1994. С. 125–147; *Он же.* Сакральные аспекты воинской дисциплины в Риме Ранней республики//Вестник древней истории. 1997. № 2. С. 43–59.

⁴² *Campbell J. B. The Emperor and the Roman army: 31 BC – AD 235.* Oxford, 1984. P. 28.

ный человек, и воин служит Богу, когда он верно чтит того, кто правит с Божьего соизволения. Так вот воины клянутся, что они будут делать старательно все, что прикажет император, никогда не покинут военной службы, не откажутся от смерти во имя римского государства».

Император Тиберий

Император Гай Калигула

Как можно видеть, у Вегетия подчеркивается религиозное значение воинской присяги, которая в Риме изначально была сакральным по своей сути актом, ставившим воина в особые отношения и с командующим, и с богами. Представляется, что с установлением принципата значимость того момента, который римляне называли «святостью присяги» *religio sacramenti* (*Ливий*. XXVI. 48. 12; XXVIII. 27. 4; Кодекс Юстиниана. VI. 37. 8), не только не уменьшилась,

но, по всей видимости, еще более возросла в связи с общими установками политики Октавиана Августа, который стремился возродить древние традиции. Согласно римским традициям, нарушение присяги считалось преступлением против богов, преступивший ее становился *sacer* – дословно «посвященным подземным богам», то есть предавался проклятию, а значит, мог быть предан смерти без суда (*Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. XI. 43; *Макробий*. Сатурналии. III. 7. 5; *Исидор Сивильский*. Начала. V. 24. 30). Военская присяга сама по себе превратилась в объект культового почитания как обожествленное понятие. Ветераны в Интерцизе (Паннония) сделали посвящение «Гению Присяги» (AE 1924, 135); вероятно, они составляли коллегию почитателей этого культа (*sacramenti cultores*) (AE 1953, 10; 1959, 15). В одном из эпизодов романа Апулея «Метаморфозы» (Met. IX. 41) незадачливый легионер, у которого избивший его огородник отобрал меч, страшится Гения Присяги: утрата оружия фактически приравнивалась к дезертирству и каралась смертью (Дигесты. 49. 16. 3. 13; 49. 16. 14. 1). Вполне возможно, что в изложенной Вегецием формуле присяги сохранился традиционный, «языческий» взгляд, согласно которому военная служба и верность тому, кому принесена присяга, являются, соответственно, службой и верностью боже-ству. Неслучайно историк Геродиан называет воинскую присягу «священным таинством Римской державы» (VIII. 7. 4). В силу военной присяги, определявшей сущность воинского долга, воин оказывался в принципиально иных отношениях с императором, нежели гражданские лица.

Что касается процедуры принесения присяги, то в императорское время, возможно, сохранился тот же ритуал, который для II в. до н. э. описал Полибий⁴³. Из числа новобранцев выбирался наилучший и произносил слова клятвы, а все остальные воины повторяли за ним «*Idem in me*» («Так же и я») (*Полибий*. VI. 21. 3).

Разумеется, присяга, несмотря на свое религиозное содержание и суровые санкции, полагавшиеся за ее нарушение, не могла гарантировать абсолютного повиновения и преданности войск императору. Случались в истории императорского Рима и солдатские мятежи, измены и дезертирство, и даже переход на сторону врага целых легионов, как это было в 69 г. н. э., когда I Германский, IV Македонский и XVI Галльский легионы перешли на сторону восставших против римской власти галлов и германцев и принесли присягу их предводителю батаву Юлию Цивилису. Многое, естественно, зависело от личности и авторитета императора. Однако уже вскоре после кончины Августа Тацит, говоря о центурионах и солдатах, констатирует их глубоко укоренившуюся преданность Цезарям (*Тацит*. Анналы. II. 76). Имеется и немало конкретных примеров непоколебимой верности римских солдат своему долгу и присяге. Так, во время египетской кампании Октавиана его центурион Гай Мевий попал в плен и был приведен к Антонию и в ответ на вопрос, как с ним надлежит поступить, заявил: «Прикажи убить меня, потому что ни благом спасения, ни смертной казнью невозможно добиться, чтобы я перестал быть воином Цезаря и стал твоим» (*Валерий Максим*. III. 8. 8). Тацит (История. III. 54) рассказывает о центурионе Юлии Агресте, который с разрешения Вителлия отправился в распоряжение флавианцев, чтобы выяснить, что произошло под Кремоной. Когда он, вернувшись, рассказал Вителлию об увиденном, тот ему не поверил и обвинил в измене. Тогда Агрест в доказательство своей верности покончил с собой. Таким же образом покончил с собой и один солдат Отона, которому не поверили, когда он принес известие о разгроме при Бедриаке (*Дион Кассий*. LXIII. 11; *Светоний*. Отон. 10. 1), а другой пронзил себя мечом, чтобы доказать свою преданность Отону (*Плутарх*. Отон. 15). Как образец бескомпромиссной верности долгу прославился центурион Семпроний Денс: он единственный из всей когорты бросился на защиту Гальбы (или Пизона по Тациту) и погиб (*Плутарх*. Гальба. 26; *Тацит*. История. I. 43. 1; *Дион Кассий*. LXIII. 6. 4).

⁴³ Watson G. R. The Roman Soldier. N. Y.; Ithaka, 1969. P. 44.

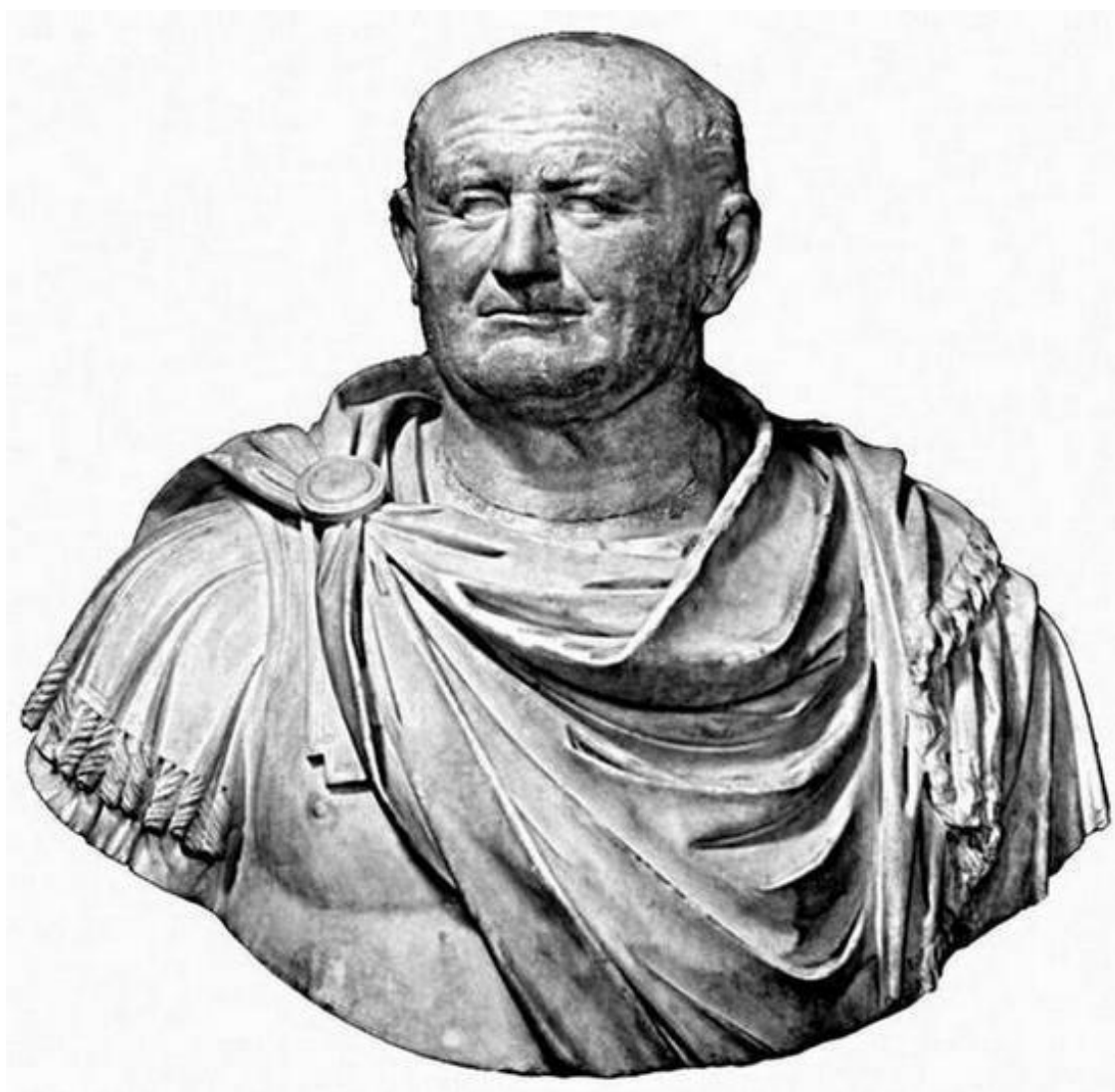
Показательно, что в большинстве приведенных примеров образцом подлинной верности и преданности являются офицеры разных рангов. Это, возможно, объясняется не только тем, что они чаще привлекали внимание античных авторов, но и особым характером взаимоотношений полководцев и принцепсов с младшим командным составом. Верность императору была в сознании солдат неотделима от высшей доблести, достоинства войска, его благочестия. Иногда она даже приобретала демонстративный, исступленный характер, как в коллективном акте самоубийства, который совершили солдаты Отона во время его похорон (*Светоний*. Отон. 12. 2; *Плутарх*. Отон. 17; *Дион Кассий*. LXIII. 15; *Аврелий Виктор*. О цезарях. 7. 2). По словам Тацита, они покончили с собой не из страха, но из ревнивого чувства чести и любви к принцепсу (*История*. II. 49), и смерть их вызвала восхищение в войсках. Любовь и преданность к умершему императору солдаты выражали и по-другому, но при этом характерно, что они демонстрировали особый военный характер своей связи с покойным. Ветераны Суллы шествовали в его похоронной процессии строем со знаменами и в полном вооружении (*Аппиан*. Гражданские войны. II. 105–106); старые легионеры Цезаря сжигали оружие, которым украсились для похорон (*Светоний*. Цезарь. 84. 4), а на похоронах Августа воины, как самую ценную жертву, бросали в погребальный костер боевые награды, полученные от императора (*Дион Кассий*. LVI. 42. 2).

Император Гальба

Верность войска, безусловно, имела первостепенное политическое значение. В сенатском постановлении по делу Гнея Пизона, наместника провинции Сирия, обвиненного в убийстве Германика, сенат хвалит воинов, которые сохранили преданность и верность дому Августа (Постановление о Гнее Пизоне. Стрк. 160 сл.). Неслучайно эта верность в своих военных аспектах, как *fides militum* («верность воинов»), *fides exercituum* («верность

войск»), *fides legionum* («верность легионов»), начиная с Траяна присутствует на монетах многих императоров⁴⁴. Военская «верность» почиталась и как обожествленная абстракция, о чем свидетельствует алтарь из Аквинка, посвященный Юпитеру Наилучшему Величайшему и Верности ветеранов (*Fidei veteranorum* – CIL III 14342). На утверждение идеи благочестивой верности было нацелено и присвоение легионам и другим воинским частям почетных наименований *Pia* («Благочестивый»), *Fidelis* («Верный, Преданный»). Так, двум легионам, VII и XI, сохранившим верность императору Клавдию, когда наместник Далмации Камилл Скрибониан попытался поднять мятеж, с одобрения сената было присвоено наименование «Клавдиев, Благочестивый и Преданный» (*Дион Кассий*. LX. 15). Впоследствии и другие императоры за те или иные отличия присваивали легионам почетные наименования, чаще всего производные от своего имени (*Domitiana*, *Antoniniana*, *Severiana*) или подчеркивающие преданность. В частности, III Августов легион со времени правления Септимия Севера имел название «Благочестивый и Карающий» (*Pia Vindex*).

Император Веспасиан

⁴⁴ Абрамзон М. Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995. С. 109 слл.; 131 слл.; 142.

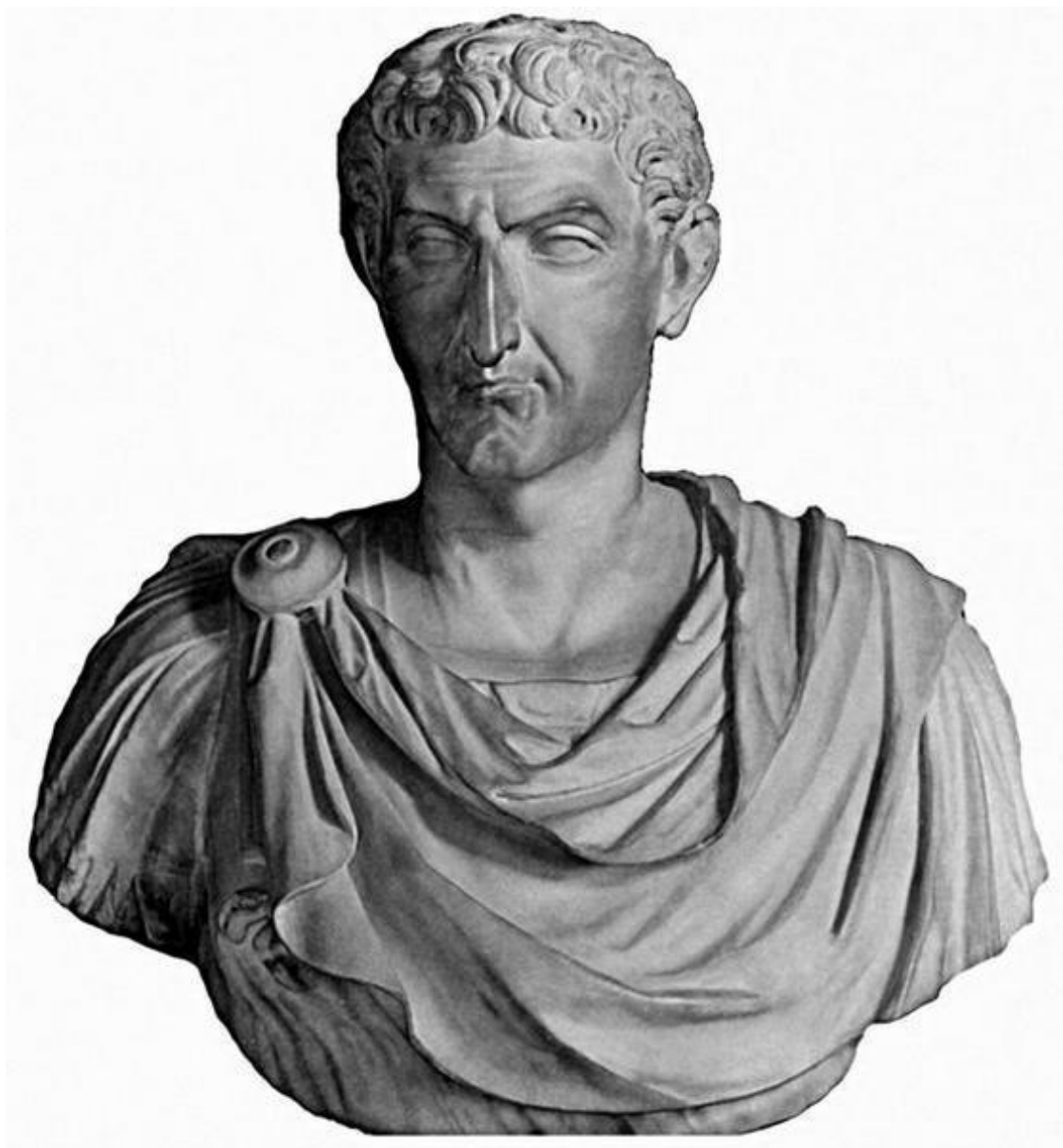
Лояльность армии по отношению к императору во многом зависела не только от денег, но и от того образа, «имиджа», которым обладал тот или иной носитель императорской власти. И в этом образе очень важной составной частью были военные качества, как реальные, проявленные в военных походах, так и виртуальные, создаваемые пропагандой. Военные заслуги и репутация хорошего полководца в глазах солдат были немаловажным аргументом, когда вставал вопрос о поддержке действующего императора или о выборе нового кандидата в принцепсы. Германик, обращаясь к мятежным легионам и убеждая их хранить верность Тиберию, напоминает им о победах и триумфах (*Тацит. Анналы. I. 34*). Тот же историк пишет, что, когда во время гражданской войны солдаты искали нового кандидата в императоры, они вспоминали о Светонии Паулине, «прекрасном полководце, стяжавшем своими британскими походами громкую славу»⁴⁵ (*Тацит. История. II. 37*). Напротив, неовинственность и отсутствие компетентности в военных делах у правителя или претендента на власть часто критикуются античными авторами. Примечательные слова одного преторианского трибуна, участвовавшего в заговоре против Нерона, передает Тацит (*Анналы. XV. 67*). На вопрос Нерона, почему он дошел до забвения присяги и долга, этот офицер ответил: «Не было воина, превосходившего меня в преданности тебе, пока ты был достоин любви. Но я проникся ненавистью к тебе после того, как ты стал убийцей матери и жены, колесничим, лицедеем и поджигателем». От императора ожидалось поддержание должной дисциплины в войсках, но при этом в идеале он сам должен был служить в этом плане образцом, разделяя с солдатами тяготы службы и участвуя в военных упражнениях (подробно об этом мы скажем в главе 9).

Соответствующий образ императора как военного лидера формировался с помощью самых разнообразных средств – начиная с императорской титулатуры и изображений (в памятниках скульптуры и на монетах императоры часто изображались в военной одежде) и заканчивая личным участием правителя в учениях и боевых действиях войск. Остановимся на некоторых из этих средств.

Императорская титулатура включала военные компоненты, которые имели существенное идеологическое значение, подчеркивая особые узы между армией и правителем, его решающий вклад в победы римского оружия. Уже сам титул *imperator* акцентировал роль правителя как военного лидера. В период Республики это была почеть, «которую охватывало радостным порывом победоносное войско оказывало своему успешно закончившему войну полководцу» (*Тацит. Анналы. III. 74*). Обладатели этого звания не пользовались никакими преимущественными правами, но получали возможность претендовать на триумф, присуждаемый сенатом. В 29 г. до н. э. Октавиан принял звание императора в качестве личного имени, подчеркивая тем самым не только достижение победы, но и особую связь с армией. Этот титул следует отличать от так называемых аккламаций – существовавшего еще в период Республики обычая чествовать победоносного военачальника, присваивая ему почетное наименование «император», которое давало право претендовать на награждение высшим военным отличием в Риме – триумфом. После своей восьмой аккламации императором в 25 г. до н. э. за победы в Испании Август больше лично не возглавлял армию на театре военных действий, но в период с 20 г. до н. э. по 13 г. н. э. он еще 13 раз провозглашался императором. Его преемники провозглашались императорами по несколько раз за добытые их войсками победы: Тиберий удостоился восьми аккламаций, Клавдий – двадцати семи (абсолютный рекорд!). Некоторые императоры получали это звание даже в тех случаях, когда ни о каких победах речи быть не могло. Например, Домициан, добившись мира с даками с помощью денег, тем не менее объявил это победой и был провозглашен императором (*Плиний Младший. Панегирик Траяну. 12*). Однако только со времени Веспасиана

⁴⁵ Светоний Паулин разбил восставших бриттов в 61 г. н. э.

сиана звание императора стало неотъемлемой частью титулатуры, но при этом количество провозглашений за победы продолжало указываться отдельно. С правления Тиберия окончательно установилась монополия принцепсов и членов их семьи на аккламацию. Последним не принадлежавшим к правящему дому военачальником, который удостоился традиционной аккламации, был Квинт Юний Блез, одержавший в 21 г. н. э. победу над Такфаринатом, предводителем восставших нумидийцев (*Тацит. Анналы. III. 7*).

Император Нерва

К середине I в. н. э. и все остальные главные военные почести – триумфы, победные титулы, монументы – стали исключительной привилегией императора или «наследных принцев», то есть тех, кого правитель рассматривал как предполагаемого наследника своей власти. Полководцы удостоивались в лучшем случае так называемых триумфальных украшений (*ornamenta* или *insignia triumphalia*), которые включали статую полководца, увенчанную лавровым венком, одежду триумфатора – пурпурную, расшитую золотом тогу и тунику, украшенную золотыми пальмовыми ветвями. В 19 г. до н. э. Корнелий Бальб, проконсул Африки, стал последним командующим, получившим триумф (*Плиний Старший. Естеств.*

история. V. 36). В дальнейшем триумфа удостоивались только сами императоры или члены их семьи.

Монополией императоров стали и почетные победные титулы, которые присваивались за победы над теми или иными народами⁴⁶ (этот обычай существовал еще при Республике – достаточно вспомнить имена Сципионов, Старшего и Младшего, которые получили прозвище «Африканский» за победы над карфагенянами). Со времени Августа победы над германцами отмечались титулом Германский. Под этим именем вошел в историю Нерон Клавдий, сын Друза Старшего, который после усыновления Тиберием стал именоваться Юлием Цезарем Германиком (15 г. до н. э. – 19 г. н. э.). Впоследствии этим титулом наделялись более 20 императоров I–III вв. Начиная с Марка Аврелия победные титулы стали употребляться в превосходной степени: Марк впервые был назван *Parthicus Maximus* – «величайший победитель парфян». Полный же набор его победных титулов включал также прозвища «Армянский, Мидийский (т. е. победитель мидян, как называли персов), Германский, Сарматский». Не менее эффектно выглядит набор победных титулов у Каракаллы, хотя он, в отличие от Марка, не одержал реально значимых побед. На одной из надписей, сделанных на мильевом столбе, он именуется «Арабским, Адиабенским, Величайшим Парфянским, Величайшим Британским» (CIL XIII 9129).

⁴⁶ Kneißl P. Die Siegestitulatur der römischen Kaiser. Untersuchungen zu den Siegesbeinamen des ersten und zweiten Jahrhunderts. Göttingen, 1969.

Император Адриан

В почетных наименованиях, которых удостоиваются императоры, обнаруживаются и другие связанные с военными качествами и достижениями эпитеты. Септимий Север был провозглашен *fortissimus* и *felicissimus* – «храбрейшим и счастливейшим», что подчеркивало традиционное сочетание доблести и счастья как двух важнейших качеств полководца. Императоры Марк Аврелий и Луций Вер именовались *Propagatores imperii* – «Те, кто расширил пределы Империи», такой же титул носил и Септимий Север. Начиная с Коммода часто встречается наименование «Непобедимый» (*Invictus*). В неофициальной титулатуре императоров получают распространение такие наименования, как *indulgentissimus* и *liberalissimus* – «милостивейший» и «щедрейший». Каракалла в одной из надписей назван *pater militum* – «отец воинов» (ILS 454). Уместно вспомнить и о титуле *Mater castrorum* («Мать лагерея»), который носили с конца II в. императрицы. Первой его получила Фаустина Младшая в 174 г. после победы Марка Аврелия над квадами (*Дион Кассий*. LXXI. 10; *Писатели истории Августы*).

стов. Марк Аврелий. 26. 8)⁴⁷, а потом – Бруттия Криспина, жена Коммода, а также императрицы из династии Северов.

Император Марк Аврелий

Стоит в связи с этим обратить внимание на то, что отношения императора и армии трактовались иногда в терминах родства. Среди многих почетных прозвищ, которые получил Калигула, были и такие, как «сын лагеря» и «отец войска» (*Светоний*. Калигула. 22. 1). По утверждению Диона Кассия (LXIII. 14. 1), солдаты, услышав о желании Отона уйти из жизни, называли своего императора отцом, говорили, что он им дороже детей и родителей. Рисуя идеал дисциплинированного войска, автор биографии Александра Севера подчеркивает, что воины любили юного императора как брата, как сына, как отца (*Писатели истории Августов*. Александр Север. 50. 3).

⁴⁷ Speidel M. A. Faustina – mater castrorum. Ein Beitrag zur Religionsgeschichte//Tyche. Beiträge zur Alten Geschichte, Papyrologie und Epigraphik. 2013. Bd. 27. S. 127–152.

Таким образом, в императорское время утверждается и активно пропагандируется представление о том, что всеми военными успехами и победами Рим обязан правящему императору, его божественному могуществу, которое вдохновляло полководца на поле боя. Император являлся Верховным главнокомандующим, и даже если он сам непосредственно не принимал участия в походе (это стало обычным только с конца I в. н. э., начиная с Домициана), то считалось, что он осуществлял общее стратегическое руководство войной. Так, когда в правление Антонина Пия (который за все время пребывания на престоле ни разу не покидал Италии) начались военные действия в Британии, он, по словам Фронтонa, «хотя и оставался на Палатине в городе [Риме] и предоставил власть вести войну, словно тот, в чьих руках был руль военного корабля, снискал славу всего плавания» (*Фронтон. Фр-т 2*). Многие императоры ревниво относились к успехам своих военачальников (*Тацит. Анналы. XI. 19*). Показательна в этом плане реакция императора Домициана на победы, одержанные Юлием Агриколой в Британии. По словам Тацита (Агрикола. 39), Домициан «особую опасность для себя усматривал в том, что имя его подчиненного ставится выше его имени, имени принцепса... всё остальное, так или иначе, можно стерпеть, но честь слыть выдающимся полководцем должна принадлежать императору».

Император Септимий Север

В армии, как и среди других групп населения Империи, получает распространение императорский культ. В военном календаре насчитывалось множество дат, связанных с почитанием императоров и императорского семейства («божественного дома», как оно стало именоваться со времени Септимия Севера). Благодаря раскопкам в Дура-Европос, где дислоцировалась XX когорта Пальмирцев, был обнаружен любопытнейший папирусный документ. Этот папирус (P. Dur. 54), известный как *Feriale Duranum* и датированный временем Александра Севера (точнее, 223–227 гг.), представлял собой стандартный, используемый, видимо, во всех римских воинских частях календарь праздников, который в своих базовых элементах, вероятно, восходит еще ко времени Августа⁴⁸. Он сохранился не полностью (почти отсутствуют данные о последних трех месяцах года). Среди памятных дат, отмечавшихся в войсках, первое место принадлежит тем, что были связаны с почитанием императоров. В их честь приносились обеты в первые дни нового года; отмечались дни рождения прежних (начиная с Цезаря) и живых правителей и членов их семьи, даты прихода к власти и одержанных побед, присвоения тех или иных титулов. Кроме того, в честь различных богов под руководством офицеров (трибунов и центурионов)⁴⁹ совершались обеты и священнодействия за здоровье императоров. Императорам посвящались возводимые солдатами постройки. В центре любого лагеря в знаменном святилище вместе со статуями богов и штандартами части помещались статуи и бюсты императоров, которых изображали в военной одежде⁵⁰. Следует, впрочем, отметить, что, в отличие от преторианцев или воинов вспомогательных частей, легионеры по меньшей мере до правления Септимия Севера не отличались чрезмерным превознесением правящих императоров, почитая в основном только обожествленных императоров, Гения и «священную силу» (*numen*) императора, отнюдь не рассматривая живых правителей как воплощенных богов. Интересно, что в некоторых посвящениях обет исполняется одновременно за благополучие и императоров, и воинов⁵¹. Так, центурион и инструктор по строевой подготовке (*campidoctor*) VII Сдвоенного легиона сделал в 182 г. посвящение Марсу Покровителю Строевого Плаца (*Marti Campestri*) за благо Коммода Августа и конных телохранителей (CIL II 4083). В надписи же центуриона II Августова легиона Либурия Фронтонина говорится об исполнении аналогичного обета Юпитеру Долихену⁵² и «Священным силам Августов» за благо Антонина Пия и легиона (RIB 1330). Пожалуй, наиболее интересна в этом ряду надпись, в которой сообщается, что в 158 г. за благо императора Антонина Пия, сената и римского народа, а также легата Фусцина и III Августова легиона и его вспомогательных частей на свои деньги устроил в Ламбезе место для почитания мавританских богов некий К. Атий (или Катий) Сацердот, не указавший своего чина, но, по всей видимости, солдат или офицер (возможно, ветеран) данного легиона (CIL VIII 2637 = ILS 342). Здесь мы видим восприятие благополучия императора, государ-

⁴⁸ Fink R. O. Roman military records on papyrus. Ann Arbor, 1971. No. 117. P. 422–429; Fink R. O., Hoey A. S., Snyder W. F. The *Feriale Duranum*//Yale Classical Studies. 1940. Vol. 7. P. 1–222; Nock A. D. The Roman Army and the Roman Religious Year A. D. Nock//Harvard Theological Review. 1952. Vol. 45. P. 186–252.

⁴⁹ Stoll O. «Offizier und Gentleman». Der römische Offizier als Kultfunktionär//Klio. 1998. Bd. 80. S. 134–162; Kolendo J. Le rôle du primus pilus dans la vie religieuse de la légion. En rapport avec quelques inscriptions de Novae//Archeologia. 1980 [1982]. T. 31. P. 49–60.

⁵⁰ Davies R. W. A note on lorictitis//Bonner Jahrbucher. 1968. Bd. 168. P. 161–165.

⁵¹ Такого рода посвящения появляются в армии начиная с правления Адриана (*Le Bohec Y. La IIIe légion Auguste*. P., 1989. P. 563 et suiv.). См. также: *Sánchez-Ostiz C. Castillo y A. Legiones y legionarios en los epígrafes pro salute imperatoris: una panorámica//Les légions de Rome sous le haut-empire. Actes du congrès de Lyon (17–19 Septembre 1998)/Ed. Y. Le Bohec, C. Wolff. Vol. II. Lyon; Paris, 2000. P. 733–742.*

⁵² Отождествленный с римским Юпитером сирийский бог Ваал из Долихи в Коммагене. Его культ был широко распространен в армии. *Speidel M. P. The Religion of Jupiter Dolichenus in the Roman Army. Leiden, 1978; Collar A. Military Networks and the Cult of Jupiter Dolichenus//Asia Minor Studien. 2011. Bd. 64. P. 217–246.*

ства, народа и войск в нераздельном и органическом единстве. При этом римскому патриотизму отнюдь не противоречит почитание иноземных божеств.

Монета, выпущенная императором Адрианом

Разумеется, по имеющимся в нашем распоряжении данным трудно судить об искренности и глубине тех чувств, которые рядовые воины питали к императорам. Но не подлежит сомнению, что официальная пропаганда и весь уклад армейской жизни были нацелены на то, чтобы внушить солдатам чувство преданности и долга по отношению к главе государства. Служба в армии означала в первую очередь служение императору. Более того, в идеале отношение солдат к императору мыслилось как любовь. Такой идеал провозглашается, например, в панегирике неизвестного автора в честь императора Константина: «Лишь тот страж государства является надежным и верным, кого воины любят ради него самого, кому служит не вынужденная и продажная угодливость, но простая и искренняя преданность» (Латинские панегирики. VII. 16. 6). Такая преданность противопоставляется оратором той краткой и непрочной популярности, которую некоторые вожди пытались снискать щедростью. В другом панегирике, посвященном тому же императору, подчеркивается, что его войско было счастливо носить оружие и выполнять воинские обязанности благодаря своей любви к императору, которого оно так же любило, как и было дорого ему, и вообще любовь к принцепсу делает воина храбрее (Латинские панегирики. X. 19. 4–5; ср. XI. 24. 5–7).

Сестерции императора Коммода

Такого рода высказывания можно было бы счесть голой риторикой, если бы приведенные выше свидетельства не показывали, что во многих случаях искренняя любовь воинов к тем, кому они служили и за кого сражались, не была пустым звуком. Наверное, неслучайно именно самоотверженная преданность и любовь воинов к своему командующему стали для философов неким образцом высокого служения. Сенека, например, утверждает (О блаженной жизни. 15. 5), что поборник добродетели будет помнить древнюю заповедь «Повинуйся Богу!», подобно тому как доблестный воин будет переносить раны, считать рубцы и, умирая, будет любить того императора, за которого погибает.

Однако наряду с моральными и эмоциональными узами, связывавшими императора и войско, нельзя недооценивать и значение такого фактора, как щедрость правителя. Как мы уже отмечали, император выплачивал донативы из собственной казны, чтобы подчеркнуть свои персональные связи с войском. Такие подарки со стороны командующих отдельными войсковыми группировками расценивались как покушение на исключительную прерогативу императора, а стало быть, как попытка мятежа (Постановление о Гнее Пизоне. 52–56; *Тацит. Анналы. II. 55*). Армия оказывалась под особым попечением императоров. Но императорские подарки отнюдь не были средством подкупа войска. Донативы имели не только и, может быть, даже не столько материальную ценность, сколько символическую, будучи связаны по своему происхождению с теми раздачами, которые высокопоставленные патроны осуществляли среди сограждан, чтобы увеличить собственный политический вес и расширить кли-

ентелу. Донативы рассматривались как знак политического престижа армии: производя раздачу денег воинам, императоры выражали тем самым свое благорасположение и уважение войску⁵³.

Сестерций императора Калигулы с изображением его обращения к солдатам

Очевидно также, что действенным средством обеспечить преданность и любовь армии был непосредственный контакт императора и войска. Конечно, император не мог все время находиться в войсках, не мог лично участвовать в военных походах или учениях войск. Однако практически ни один из принцевов не упускал возможности обратиться к солдатам, собранным на воинскую сходку, с речью. Такие обращения (*adlocutiones*), проводимые по разным поводам (по случаю завершения войны, по поводу награждения отличившихся, раздачи донатив и т. д.), обставлялись как торжественная церемония и были своеобразным ритуалом, призванным демонстрировать согласие и единство императора и его армии, даже если ее представляли только преторианцы в Риме⁵⁴. Не менее существенным фактором было

⁵³ Flaig E. Den Kaiser herausfordern. Die Usurpation in römischen Reich. Frankfurt am Main, 1992. S. 165–166; Phang S. E. Roman Military Service. Ideologies of Discipline in the Late Republic and Early Principate. Cambridge; N. Y., 2008. P. 179–190; Stäcker J. Princeps und miles. Studien zum Bindungs und Nachverhältnis von Kaiser und Soldat im 1. und 2. Jahrhundert n. Chr. Hildesheim; Zürich; N. Y., 2003. S. 389–391.

⁵⁴ Махлаук А. В. Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. СПб., 2006. С. 208–227; David J.-M. Les contiones militaires des colonnes Trajane et Aurélienne: les necessities de l'adhésion//Autour de la colonne aurélienne. Geste et image sur la colonne de Marc Aurèle a Rome/Ed. par J. Scheid, V. Huet. Turnhout, 2000. P. 213–226; Sommer

показательное проявление заботы императора о солдатах: обход палаток и посещение раненых, обращение с воинами как с боевыми товарищами, включая демонстративное соучастие императора в солдатской трапезе, в тяготах походной жизни и военных упражнениях, а также в бою⁵⁵. И эта персональная связь каждого солдата с императором, по замечанию М. И. Ростовцева, «была, может быть, наиболее могучим средством поддержания в войске порядка и дисциплины»⁵⁶. На некоторых из этих моментов мы остановимся ниже. А пока в качестве предварительного итога подчеркнем, что многие императоры очень ответственно подходили к своей роли военного лидера, понимая, что от их авторитета среди солдат во многом зависит эффективность римской военной машины.

M. Der Kaiser spricht. Die adlocutio als Motiv der Kommunikation zwischen Herrscher und Heer von Caligula bis Konstantin//Krieg – Gesellschaft – Institutionen. Beiträge zu einer vergleichenden Kriegsgeschichte/Hg. B. Meeßner, O. Schmitt und M. Sommer. B., 2005. S. 335–354.

⁵⁵ Махлаюк А. В. Армия Римской империи. Очерки традиций и ментальности. Н. Новгород, 2000. С. 102–118; Moore R. L. The Art of Command: The Roman Army General and His Troops, 135 BC–138 AD. PhD Diss. Michigan, 2002.

⁵⁶ Ростовцев М. И. Рождение Римской империи. Общий очерк. Пг., 1918. С. 138.

Глава 5

Легионы Империи: история и размещение

«...В их руках судьба Рима, государство расширяет свои пределы благодаря их победам, и их именем нарекаются полководцы».
(Тацит. *Анналы*. I. 31)

«Ваше войско, как ров, кольцом окружает населенный мир...»
(Элий Аристид. *Похвала Риму*. 82)

Военная история Римской империи в значительной степени складывается из истории отдельных легионов. Их формирование связано с определенными событиями и военными лидерами, их создававшими. Каждый из легионов имел свои боевые традиции и репутацию, приобретаемую прежде всего в сражениях. Уже при Августе многие легионы располагаются в местах постоянной дислокации в определенных провинциях, где приобретают со временем местную специфику. Это было связано и с источниками пополнения, окружением, характером повседневной деятельности и тех задач, которые решали данные воинские части. Поэтому легионы, стоявшие на Рейне, и по своему составу, боевым приемам и снаряжению, и даже по внешнему облику могли сильно отличаться от тех, что несли службу где-нибудь в Малой Азии, Нумидии или в Британии. Индивидуальность каждого легиона воплощалась в его номере, наименовании, эмблеме и штандартах. Для проведения тех или иных кампаний легионы могли перебрасываться с места на место; формировались и новые легионы, начинавшие свою историю, что называется, с чистого листа. Случались и тяжелые поражения, в которых гибли целые легионы. Мятеж или измена могли привести к роспуску воинской части. Но бывало и так, что после этого ее переформировывали или спустя некоторое время восстанавливали вновь.

В данной главе мы кратко остановимся на истории отдельных легионов и рассмотрим в общих чертах их дислокацию на территории Империи в разные периоды истории.

Прежде всего надо подчеркнуть, что армия Римской империи ведет свое происхождение из гражданских войн; большинство из тех 28 легионов, которые оставил после победы в гражданских войнах Август и которые служили потом его преемникам, уже существовали до битвы при Акции, а некоторые воевали под знаменами Цезаря. К последним относятся те, которые были сформированы Цезарем в период его Галльских войн и носили номера с VI по XIV, а также V легион с необычным названием «Жаворонки» (*Alaudae*). Этот легион был набран Цезарем в 52 г. до н. э. из трансальпийских галлов, обученных и вооруженных на римский манер, и получил свое название по особенным перьям, украшавшим шлемы его воинов. Сам Цезарь в своих «Записках» никогда не называет его по этому прозвищу, но упоминает только о действиях его когорт. После своего возвращения в Рим в 49 г. до н. э. или после битвы при Фарсале в 48 г. до н. э. он даровал его солдатам права римского гражданства.

Монета с изображением инсигний III Августовского легиона

В 47–44 гг. до н. э. Цезарь уволил со службы легионы VI–XIV, и только V Alaudae оставался в строю до 44 г. до н. э., когда он в Южной Италии ожидал формальной отставки или же готовился войти в состав сил, предназначенных для проведения планируемой Цезарем парфянской кампании. После убийства Цезаря, когда власть в Риме оказалась в руках триумвиров, которые начали готовиться к решающей схватке со сторонниками Республики, Октавиан восстановил VII и VIII легионы в Кампании; Марк Антоний заново сформировал V Alaudae, а Лепид в Трансальпийской Галлии на основе ветеранов, поселенных Цезарем в колониях, восстановил VI и X легионы (и, возможно, еще один). Как указывает наименование XII легиона Antiqua («Древний, Старый»), который позже окажется в армии Антония и получит наименование «Молниеносный» (Fulminata), его происхождение возводилось к XII легиону Цезаря. Очевидно, триумвиры стремились воссоздать Цезаревы легионы, чтобы утвердить себя как преемников Цезаря и получить в лице его ветеранов надежных и закаленных бойцов.

Позже, когда политические пути триумвиров разошлись, каждый из них стал формировать собственные легионы. Но после 30 г. до н. э. все они оказались под властью Октавиана, вышедшего победителем в противоборстве с Антонием. Поэтому номера легионов иногда дублируются, что связано с тем, что они происходили из армий Антония и Октавиана.

Уже в армии Цезаря легионы приобрели не только постоянные номера, но также особые наименования и эмблемы. Эти атрибуты, хотя и менялись с течением времени, у многих

легионов сохранились и впоследствии, вплоть до позднеримского периода. Хотя происхождение и символическое значение некоторых легионных эмблем (среди которых были и знаки зодиака: Кентавр, Вепрь, Пегас, Слон и другие животные) остаются неясными, нельзя не согласиться с Ш. Ренелем, который объяснял их разнообразие стремлением каждого легиона развивать собственную индивидуальность⁵⁷. Названия же легионов связаны с их конкретной историей.

Монета, выпущенная в честь III Августовского легиона

Быть может, наиболее интересна история X легиона, который знаменит прежде всего тем, что именно он был любимым легионом Цезаря с самого начала Галльской войны⁵⁸. Именно тогда, в 58 г. до н. э., этот легион получил наименование *Equestris* («Конный, Всаднический»). Это прозвание связано с любопытной историей. Когда под Весонтионом римским войском овладел страх перед германцами, о невероятной храбрости, силе и огромном росте которых солдатам рассказали купцы, Цезарь заявил, что, если за ним вообще никто не пойдет, чтобы сразиться с германцами, он выступит с одним X легионом и сделает его своей преторской когортой⁵⁹. Это заявление вызвало решительную перемену в настроениях вой-

⁵⁷ Renel Ch. Cultes militaires de Rome. Les enseignes. Lyon; P., 1903. P. 198; 206; 232 suiv.

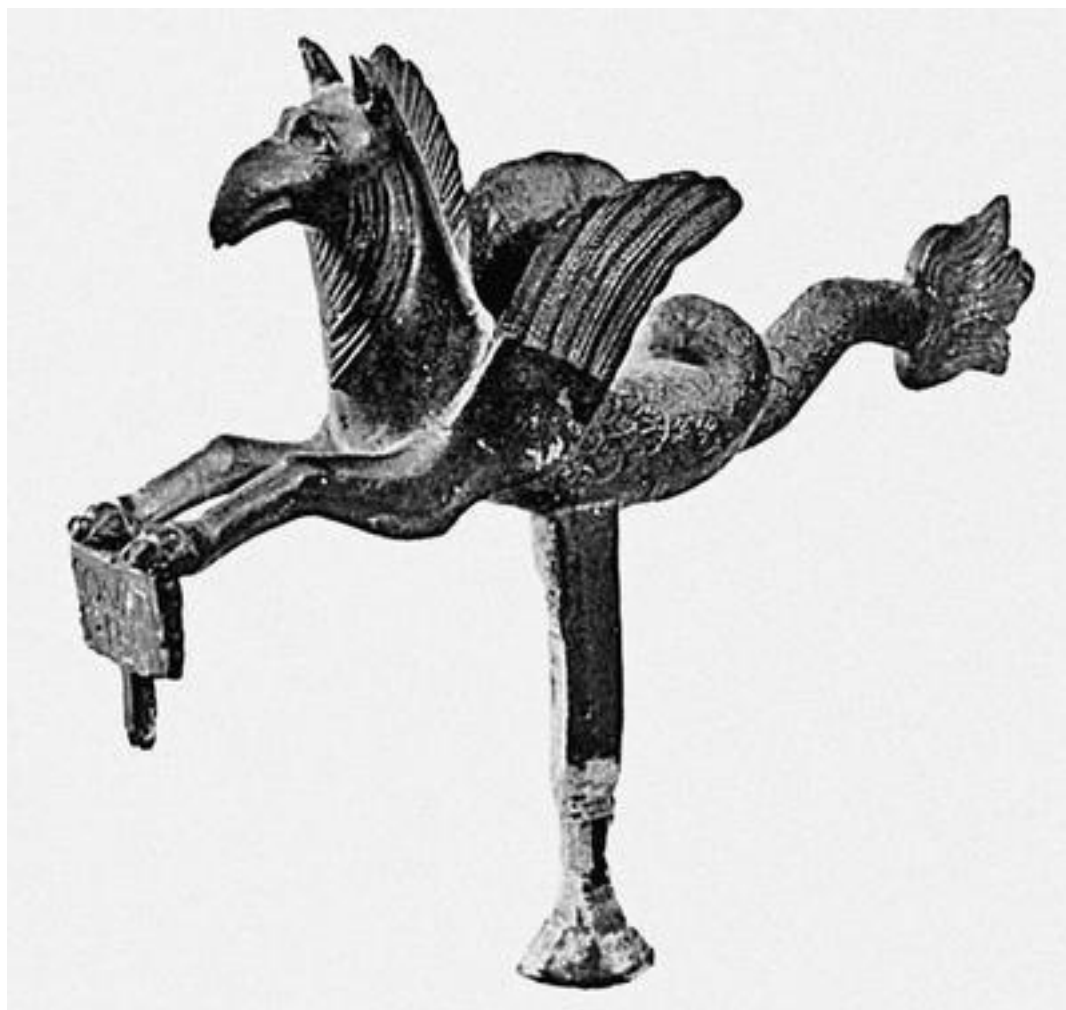
⁵⁸ Этому легиону посвящена книга: Dando-Collins S. Caesar's Legion: The Epic Saga of Julius Caesar's Elite Tenth Legion and the Armies of Rome. N. Y., 2002.

⁵⁹ Преторской когортой в армии республиканского Рима называли отряд отборных воинов, сопровождавших полко-

ска, и оно прониклось боевым пылом и выступило в поход. При приближении Цезаря германский вождь Ариовист предложил провести переговоры, но при этом, опасаясь ловушки, требовал, чтобы Цезарь не брал с собой на эти переговоры пехотинцев. Цезарь, не решаясь доверить свою жизнь галльской коннице, приказал, чтобы галлы передали своих коней легионерам X легиона. По этому поводу один из солдат X легиона остроумно заметил: Цезарь делает больше, чем обещал, – он не только делает легион своей преторской когортой, но и зачисляет его солдат во всадники (*Цезарь*. Галльская война. I. 42). Всадниками, напомним, называлось второе высшее сословие в Риме. В дальнейшем этот легион ни в одном сражении не подводил своего полководца и всячески старался оправдать его доверие. Правда, в 47 г. до н. э. он принял участие в мятеже вместе с двумя другими легионами, ожидавшими отправки в Африку и требовавшими выплаты наград. Именно тогда Цезарь, заявив на сходке, что выплатит им обещанное, но только после того, как добьется победы с другими войсками, обратился к легионерам «граждане» вместо обычного «соратники», что означало, что солдаты уже уволены со службы. Это так подействовало на мятежников, что они раскаялись и стали просить Цезаря наказать виновных. После этого Цезарь, вновь поднявшись на трибуну, сказал, что наказывать никого не хочет, но огорчен, что и X легион, который он всегда предпочитал другим, принимал участие в мятеже. «Его одного, – сказал он, – я и увольняю из войска. Но и ему я отдам обещанное, когда вернусь из Африки». Как рассказывает Аппиан (Гражданские войны. II. 94), «рукоплескания и благодарность раздались со всех сторон, и только десятый легион был в глубокой скорби, так как по отношению к нему одному Цезарь казался неумолимым. Солдаты этого легиона стали тогда просить метать между ними жребий и каждого десятого подвергнуть смерти. Цезарь при таком глубоком раскаянии не счел нужным их больше раздражать, примирился со всеми и тут же направил их на войну в Африку». Конечно, в действительности вряд ли в этом эпизоде все обстояло так, как описывают античные историки, и Цезарю фактически пришлось уступить требованиям воинов⁶⁰, но ясно, что легион мог действовать как единое целое не только на поле боя, но и в отношениях с полководцем.

водца и служивших его телохранителями.

⁶⁰ Chrissanthos S. G. Caesar and the Mutiny of 47 B. C. // *Journal of Roman Studies*. 2001. Vol. 91. P. 63–75.

Легионная эмблема в виде козерога из Висбадена

Однако после битвы при мысе Акции (31 г. до н. э.), победа в которой фактически сделала Октавиана единоличным правителем Рима, X легион вновь проявил непокорность, потребовав чрезмерных наград у наследника Цезаря. За это он был распущен с бесчестьем (*Светоний. Божественный Август. 24. 2*). Но впоследствии Октавиан, возможно, смешал часть бывших легионеров Антония с новобранцами или с воинами из других частей, сохранивших ему верность, и создал легион с тем же номером, получивший наименование *Gemina* («Близнец, Сдвоенный»), которое заменило прежнее *Equestris*, хотя оно и упоминается в некоторых надписях второй половины I в. до н. э.

Стоит отметить, что многие легионы, которые участвовали в кампаниях Юлия Цезаря, в качестве своей эмблемы имели Тельца, который был знаком зодиака, связанным с богиней Венерой, легендарной прародительницей рода Юлиев. Кроме Десятого, это – легионы VII и VIII, воевавшие под командованием Цезаря в Галлии, а также III Галльский и IV Македонский, которые он сформировал в 48 г. до н. э. Наименование IV легиона *Macedonica* явно происходит от его временного пребывания в Македонии до 44 г. до н. э.

По месту несения службы получили наименование и другие легионы: V Македонский, сформированный в 43 г. до н. э., и III Киренаикский, который был набран Лепидом в Африке или Антонием перед битвой при Акции и дислоцировался потом в Египте.

Также и название III легиона *Gallica* отражает его службу в Галлии в 48–42 гг. до н. э. С 30 г. до н. э. он располагался в Сирии. Именно здесь его солдаты усвоили парфянский обычай приветствовать восходящее солнце (*Тацит. История. III. 24*). В середине I в. н. э. он

сражался под началом Корбулона; принимал участие в битве при Бедриаке в гражданской войне 69 г. н. э.

Легионы, служившие в Сирии, на протяжении столетий считались «эталон» распущенной жизни. Порочные основы ее заложил еще Гней Пизон во время своего наместничества в 17 г. н. э. (*Тацит. Анналы. II. 55; Постановление сената о Гнее Пизоне. Стр. 51–56*). Спустя четыре десятилетия Корбулон боролся с непригодностью здешних солдат, которые настолько обленились от долгого мира, что не были редкостью ветераны, ни разу не побывавшие в боевом охранении или ночном карауле, смотревшие на лагерный вал и ров как на нечто диковинное, не надевавшие ни шлемов, ни панцирей, щеголеватые и падкие до наживы, как отзывался о них Тацит (*Анналы. XIII. 35*)⁶¹. Больше ста лет спустя подобным же образом характеризовал сирийских легионеров римский писатель и ритор Фронто. По его словам, «здешние воины – воистину наипорочнейшие: мятежные и строптивые, с полудня до полудня пьяные, они не привыкли носить оружие и чаще бывают в соседней таверне, чем под знаменами» (*Фронтон. Письма к Веру. II. 1. 11*). Именно против сирийских легионов, «утопавших в роскоши и усвоивших нравы Дафны»⁶², применял жесточайшие дисциплинарные меры Авидий Кассий (*Писатели истории Августов. Авидий Кассий. 5. 2–3*). Однако через несколько десятилетий император Александр Север застал их всех в том же состоянии (*Писатели истории Августов. Александр Север. 53. 2; 7*). Трудно сказать, в какой мере все эти характеристики являются расхожим литературным штампом, а в какой – отражают реальное положение дел, но скорее верно первое⁶³.

Происхождение эмблемы V легиона «Жаворонков» связано с эпизодом, имевшим место во время битвы при Тапсе в 46 г. до н. э. В этом сражении одного из ветеранов этого легиона слон обвил хоботом и поднял вверх, но солдат не растерялся и стал изо всех сил рубить мечом по хоботу, в который был захвачен, пока от боли слон его не бросил и не повернул назад (*Африканская война. 84*). Видимо, этот эпизод запомнился, и изображение слона как напоминание о храбрости легионеры выбрали эмблемой своей части. Аппиан (*Гражданские войны. II. 96*), правда, передает иную версию: когда командующего помпеянами Сципиона покинул его союзник нумидийский царь Юба, оставив только 30 слонов, войско Цезаря настолько приободрилось, что пятый легион даже попросил выстроить его против слонов и одержал победу, за что и получил на знамя знак слона.

Легион VI Ferrata («Железный», дословно «облаченный в броню»), очевидно, также получил это наименование в период гражданских войн, возможно, еще при Цезаре; его эмблемами были волчица и близнецы Ромул и Рем. Возможно, после битвы при Филиппах (42 г. до н. э.) он носил также наименование Macedonica (ILS 8862). Еще один легион с номером VI, созданный Октавианом в 41–40 гг. до н. э., первоначально именовался Испанским (Hispaniensis) по провинции, где он нес службу с 30 г. до н. э. по 69 г. н. э., а позже за какую-то победу удостоился наименования «Победоносный» (Victrix).

Номер VII принадлежал легиону, набранному еще для Галльской войны Цезарем. Первым его наименованием было «Отцовский», Paterna (CIL X 3880), данное ему в честь присвоения Цезарю почетного титула Отца Отечества. При Августе он нес службу на Балканах и именовался Македонским, а в 42 г. н. э. он не пошел за затеявшим мятеж против императора Клавдия наместником Далмации Камиллом Скрибонианом и за верность был удостоен почетного наименования «Клавдиев Благочестивый Верный» (Claudia Pia Fidelis). Такого же

⁶¹ Возможно, к войскам в Сирии относится замечание Плиния Младшего о состоянии дисциплины во времена Домициана: «...у вождей не было авторитета, а у солдат послушания; никто не командовал, никто не повиновался; все было разнузданно, спутано, извращено...» (*Письма. VIII. 14. 7*).

⁶² Дафна – предместье Антиохии, место увеселений и роскоши.

⁶³ Wheeler E. L. The Laxity of Syrian Legions//The Roman Army in the East/Ed. D. L. Kennedy. Ann Arbor, 1996. P. 229–276.

наименования после этих событий удостоился и XI легион, который относится скорее всего к числу тех, что были созданы Октавианом в 41–40 гг. до н. э. (*Дион Кассий*. LV. 23. 4).

В числе 16 новых легионов, созданных Октавианом в конце 40-х гг. до н. э. или в 30 г. до н. э., были XXI Rapax («Хищный», или «Стремительный») и XX, позже получивший наименование Valeria Victrix. Большинство из них получили в качестве своей эмблемы Козерога, потому что под этим знаком зодиака был зачат Октавиан, который считал его символом своей удачи. Наименование XX легиона Valeria Victrix ранее переводилось как «Валериев Победоносный», так как считалось, что он получил его за отличия, проявленные под началом легата Валерия Мессалина в ходе подавления Паннонского восстания 6–9 гг. н. э. Однако очень сомнительно, чтобы император Август в конце своего правления мог позволить присвоить легиону почетное наименование по родовому имени известного senatorского семейства. Еще менее вероятно, что легион стал так именоваться в честь жены императора Клавдия Валерии Мессалины. Скорее всего эпитет Valeria следует производить от латинского глагола *valere* («быть сильным, храбрым») и переводить как «Сильный». Сам же двойной титул, по всей видимости, был присвоен этому легиону после подавления восстания британцев в 60–61 гг. н. э., когда и другой легион, внесший вклад в победу, XIV Сдвоенный (Gemina), получил двойное наименование «Марсов Победоносный» (Martia Victrix). Позже он был отмечен Нероном как сильнейший легион римской армии (*Тацит*. История. II. 11). Его эмблемой был дикий кабан (вепрь).

X легион получил наименование Fretensis за отличия, проявленные во время войны Октавиана против Секста Помпея в сражениях при Fretum Siculum – Сицилийском проливе, отделяющем Италию от Сицилии. С этим связаны его эмблемы – дельфин и галера, которые использовались наряду с Тельцом, указывающим на его происхождение из армии Цезаря. IV Скифский легион, сформированный Антонием, также получил свое наименование за победы – скорее всего над скифами, одержанные в 29–27 гг. до н. э. под началом Марка Лициния Красса. Дислоцировался он в Македонии, а позже – в провинции Мёзия. Его эмблемой тоже был Козерог.

Каменная табличка из Бенвелла с изображением легионных символов II Августовского легиона

Легионы II, III и VIII, носившие в период Империи почетное наименование Августовых (Augusta) в ознаменование их переформирования в начале правления Августа или же в честь одержанных побед, непосредственно происходят от тех легионов, которые входили в армию Октавиана накануне битвы при Акции. Легион II Augusta, возможно, тождествен с легионом II Sabina (Сабинов – вероятно, по имени своего командира), который упомянут в надписи ветерана времен гражданской войны из Венафра (ILS 2227), или же со II Gallica, ветераны которого в 36–35 гг. до н. э. получили земли для поселения в Араузионе (Оранж) и упомянуты на воздвигнутой здесь арке Августа. II Августов легион нес службу сначала в Испании, потом на Рейне, а с 43 г. н. э. входил в состав римского гарнизона в Британии. Предшественники легиона III Augusta, который на протяжении всего императорского времени нес службу в Африке, остаются неизвестными. Его эмблемой был, по-видимому, крылатый конь Пегас, как и у II Августова легиона. В 238 г. III Августов легион был распущен (раскассирован) императором Гордианом III за то, что выступил против его деда и дяди Гордианов I и II. Но в 253 г. этот легион был вновь восстановлен императором Валерианом⁶⁴.

Легион VIII Augusta, очевидно, прошел с Цезарем все кампании в Галлии (58–49 гг. до н. э.). Сражался в главных битвах гражданских войн: при Фарсале (48 г. до н. э.), Тапсе (46 г. до н. э.); был потом распущен, но в 44 г. до н. э. восстановлен Октавианом, отличился в битве при Мутине в 43 г. до н. э., за что, по-видимому, удостоился наименования Mutinensis, упоминаемого в одной надписи (ILS 2239), а позже за какое-то другое отличие в правление Августа получил имя первого принцепса.

В источниках упоминается также еще один легион с наименованием Augusta. Дион Кассий сообщает, что после поражения, понесенного в 19 г. до н. э. в Испании, один легион был лишен этого наименования (LIV. 11. 5). Это, вероятно, был легион, позже известный как I Германский (Germanica), который размещался с 16 г. до н. э. на Рейне и принимал участие в походах Друза и Германика. Слова Тацита (Анналы. I. 42. 3) о том, что этот легион получил свои значки от Тиберия, возможно, указывают на то, что он не только лишился своего почетного наименования, но и был распущен, а потом восстановлен Тиберием в конце правления Августа. В 69 г. н. э. он был распущен Веспасианом за переход на сторону восставших галлов и германцев во главе с Цивилисом (Тацит. История. IV. 57–62). За эту же измену Веспасиан распустил также IV Македонский и XVI Галльский и заменил их новыми легионами, получившими те же номера, но они назывались теперь, соответственно, Flavia Felix («Флавиев Счастливый») и Flavia Firma («Флавиев Мощный»).

XV легион, носивший почетное наименование «Аполлонов» (Apollinaris), был одним из тех, которые Октавиан набрал перед битвой при мысе Акции. По-видимому, именно за отличия в этой кампании легион получил наименование в честь бога Аполлона, которого Октавиан считал своим покровителем и святилище которому в районе мыса он посвятил после победы, одержанной над Антонием и Клеопатрой.

XIII Сдвоенный и, возможно, XVI Галльский легионы имели своей эмблемой льва, который тоже относился к зодиакальным знакам и был связан с Юпитером.

Среди легионов Августа последним номером был XXII, который принадлежал легиону с наименованием *Deiotariana*, которое происходит от имени Дейотара, царя галатов, обитавших в центральной части Малой Азии. Этот царь был союзником сначала Помпея, а потом Цезаря и посылал в их распоряжение вспомогательные войска. Одна из частей этих войск

⁶⁴ Истории этого легиона посвящено фундаментальное исследование Я. Ле Бозка, пожалуй, лучшее из тех, что написаны по отдельным легионам: *Le Bohec Y. La IIIe légion Auguste*. P., 1989.

была сформирована, вооружена и обучена по римским стандартам и впоследствии, видимо, вошла в состав армии Антония. Либо после победы при Акции, либо, что более вероятно, в 25 г. до н. э., когда Галатия была присоединена к римским владениям, этот легион вошел в армию Октавиана.

ЛЕГИОНЫ АВГУСТА

Легион	Основатель и время формирования	Наименование и его значение	Эмблемы	Место дислокации
I Germanica	Цезарь, 48 г. до н. э. или консул Панса, 43 г. до н. э.	«Германский» по месту службы	?	Германия при Юлиях-Клавдиях
II Augusta	Панса, 43 г. до н. э. (?)	«Августов». Восстановлен Августом	Козерог, Пегас, Марс	Испания при Августе, Германия при Тиберии, Британия со времени Клавдия
III Augusta	Цезарь, 48 г. до н. э. или консул Панса, 43 г. до н. э.	«Августов». Восстановлен Августом	Козерог, Пегас?	Африка-Нумидия с Августа до Диоклетиана
III Cyrenaica	Лепид в Африке, 40—36 гг. до н. э., или Антоний, 40—31 гг. до н. э.	«Киренаикский» по месту службы в Киренаике	?	Египет с Августа до Траяна или Адриана, затем Аравия
III Gallica	Цезарь, 48 г. до н. э.	«Галльский» по месту службы в Галлии	Телец	Сирия

Легион	Основатель и время формирования	Наименование и его значение	Эмблемы	Место дислокации
VI Macedonica	Цезарь, 48 г. до н. э.	«Македонский» по месту службы в Македонии	Телец, Козерог	Испания от Августа до Клавдия, Германия при Клавдии
VI Scythica	Антоний, 40—31 гг. до н. э.	«Скифский» за участие в кампании против скифов на Нижнем Дунае в 29—27 гг. до н. э.	Козерог	Мезия при Юлиях-Клавдиях, Сирия со времени Нерона
V Alaudae	Цезарь, 52 г. до н. э.	«Жаворонки» по характерным плюмажам на шлемах	Слон	Германия при Юлиях-Клавдиях, Мезия при Флавиях
V Macedonica	Панса, 43 г. до н. э., или Октавиан, 41—40 гг. до н. э.	«Македонский» по месту службы в Македонии	Телец, Орел	Мезия, при Нероне — Сирия
VI Fretata	Цезарь в Галлии, 52 г. до н. э.	«Закованный в броню»	Телец	Сирия в I в. н. э., Аравия при Траяне, Иудея со времени Адриана
VI Victrix	Октавиан, 41—40 гг. до н. э.	«Победоносный» за победы, одержанные в Испании	Телец	Испания при Юлиях-Клавдиях, Германия при Флавиях и Траяне, Британия со времени Адриана
VII Claudia	До 58 г. до н. э.	«Клавдиев» за верность императору Клавдию в 42 г. до н. э.	Телец, Лев	Далмация при Клавдии, затем Мезия

VIII Augusta	До 58 г. до н. э.	«Августов». Восстановлен Августом	Телец	Далмация, затем Паннония и Мезия при Юлиях-Клавдиях, Германия со времени Веспасиана
IX Hispana	До 57 г. до н. э. или Октавиан в 41—40 гг. до н. э. (?)	«Испанский» по месту службы в Испании	?	Далмация, затем Паннония до Клавдия, Британия с Клавдия до Доминиана
X Fretensis	Октавиан, 41—40 гг. до н. э.	«Отличившийся у пролива» за морскую победу у Fretum Siculum (Сицилийского пролива), 36 г. до н. э.	Телец, Дельфин, Галера, Вепрь	Сирия при Юлиях-Клавдиях, затем Иудея
X Gemina	До 58 г. до н. э.	«Сдвоенный», после слияния легионов из армий Антония и Октавиана после битвы при Акции	Телец	Испания до Клавдия, Паннония при Нероне, Германия при Флавиях, Мезия со времени Траяна
XI Claudia	Цезарь, 58 г. до н. э.	«Клавдиев» за верность императору Клавдию в 42 г. н. э.	Нептун	Далмация при Клавдии и Нероне, Германия при Флавиях, Мезия со времени Траяна

Легион	Основатель и время формирования	Наименование и его значение	Эмблемы	Место дислокации
XII Fulminata	Цезарь, 58 г. до н. э.?	«Молниеносный»	Молния	Египет при Августе и Тиберии, Сирия с Тиберию до Нерона, Каппадокия со времени Веспасиана
XIII Gemina	Цезарь в 57 г. до н. э. или Октавиан в 41—40 гг. до н. э.?	«Сдвоенный», после слияния легионов	Лев	Ретия, затем Германия с Августа до Клавдия, Паннония с Клавдия до Траяна, Дакия с Траяна
XIV Gemina	Цезарь в 54 г. до н. э. или Октавиан в 41—40 гг. до н. э.?	«Сдвоенный», после слияния легионов	Козерог, Орел	Германия с Августа до Клавдия
XV Apollinaris	Октавиан, 41—40 гг. до н. э.?	«Аполлонов» в честь победы при Акции?	?	Далмация, затем Паннония до Траяна, при Нероне — Сирия, затем Каппадокия
XVI Gallica	Октавиан, 41—40 гг. до н. э.?	«Галльский» по месту службы в Галлии	Лев?	Германия при Юлиях-Клавдиях
XVII	Октавиан, 41—40 гг. до н. э. (или позже?)	—	?	Германия при Августе
XVIII	Октавиан, 41—40 гг. до н. э. (или позже?)	—	?	Германия при Августе
XIX	Октавиан, 41—40 гг. до н. э. (или позже?)	—	?	Германия при Августе
XX Valeria Victrix	Октавиан до 27 г. до н. э.?	«Сильный и Победоносный» за победы в Британии	Вепрь	Далмация, затем Германия при Августе и Тиберии, Британия со времени Клавдия
XXI Rapax	Октавиан до 27 г. до н. э.?	«Хищный»	Козерог	Ретия, затем Германия до Домициана
XXII Deioratiana	После присоединения Галатии в Римской империи в 25 г. до н. э.	«Дейотаров» по имени царя галатов Дейотара	?	Египет до Адриана

Характеристику дислокации сил римской армии в начале правления Тиберия мы находим в «Анналах» Тацита: «Италию на обоих морях охраняли два флота: один со стоянкой в Мизенах, другой — в Равенне, а ближайшее побережье Галлии — снабженные таранами корабли, захваченные в битве при Акции и посланные Августом с должным числом гребцов в Форум Юлия. Но главные силы составляли восемь легионов на Рейне, являвшиеся одновременно оплотом и против германцев, и против галлов. Недавно умиротворенные испанские области были заняты тремя легионами. Мавританию римский народ отдал в дар царю Юбе. Прочие африканские земли удерживались двумя легионами, столькими же — Египет, а огромные пространства от Сирии и до реки Евфрата — четырьмя легионами; по соседству с ними властвовали цари иберов и альбанов и других народов, ограждаемые от посягновений со стороны пограничных государств нашим величием... На берегах Дуная были размещены два легиона в Паннонии и два в Мёзии, столько же находилось в Далмации; вследствие положения этой страны они могли бы поддержать с тыла дунайские легионы, а если бы Италии внезапно потребовалась помощь, то и туда было недалеко; впрочем, Рим имел собственные войска — три городские и девять преторианских когорт, — набираемые почти исключительно в Умбрии и Этрурии, а также в Старом Лации и в древнейших римских колониях. В удобных местах провинций стояли союзнические триремы, отряды конницы и вспомогательные когорты, по количеству воинов почти равные легионам; впрочем, точность здесь невозможна, так как в зависимости от обстоятельств эти силы перебрасывались с места на место, и их численность то возрастала, то падала» (*Тацит. Анналы. IV. 5*).

Столетие спустя, в середине II в. н. э., 28 легионов размещались следующим образом. В Британии было три легиона: II Августов в Иске, XX Валериев Победоносный в Деве (Честер) и VI Победоносный в Эбораке (Йорк). В Нижней и Верхней Германии было по два легиона: XXX Ульпиев в Ветере (Ксантен) и I Минервин в Бонне, XXII Первородный и VIII Августов в Могонциаке и Аргенторате. В Верхней Паннонии размещались три легиона: X Сдвоенный в Виндобоне (Вена), XIV Сдвоенный в Карнунте и I Вспомогательный в Бригционе; в соседней Нижней Паннонии стоял один легион — II Вспомогательный в Аквинке. Два легиона Верхней Мёзии IV Флавию и VII Клавдиев дислоцировались, соответственно, в

Сингидуне и Виминации. Гарнизон Нижней Мёзии состоял из трех легионов: I Италийский базировался в Новах, XI Клавдиев в Дуросторе и V Македонский в Троесмии. На всю завоеванную Траяном Дакию хватало одного легиона, XIII Сдвоенного, который размещался в Апуле. В восточных провинциях ситуация была следующей. Два легиона стояли в Каппадокии: XV Аполлонов, занявший место XVI Флавиева в Сатале, и XII Молниеносный в Мелитене на Евфрате. В провинции Сирии несли службу XVI Флавиев в Самосате и IV Скифский в Зевгме (или, возможно, в Антиохии, столице провинции); III Галльский – в Рафанее. В Палестине X легион Fretensis размещался в Иерусалиме, VI Железный – в Капаркотне, а к востоку от Иордана, в Аравии Набатеяской, в Бостре (Босре) стоял III Киренаикский легион. В Египте теперь оставался только один легион – II Траянов в Никополе. III Августов, базировавшийся со времени Траяна в Ламбезе, по-прежнему оставался единственным легионом на протяжении 3200 км североафриканского побережья. Наконец, в Испании был размещен один легион – VII Сдвоенный.

Легионные значки

По сравнению с серединой I в. н. э., как можно видеть, основной упор теперь был сделан на Дунайский регион (где прежде было шесть легионов, теперь стало девять) и восточные провинции, тогда как на Рейне силы сократились наполовину. В середине 160-х гг., когда Марк Аврелий сформировал два новых легиона, именно они усилили группировку на дунайской границе: II Италийский был размещен в Норике в Лавриаке (Эннс), а III Италийский – в провинции Реция в Регенсбурге (Castra Regina). Еще одна особенность заключалась в том, что, в отличие от более раннего времени, когда до половины легионов размещалось парами в одном лагере, теперь от этой практики полностью отказались. Одной из причин были политические соображения. После того как в 89 г. н. э. наместник Верхней Германии Антоний Сатурнин попытался поднять мятеж против Домициана, используя XIV и XXII легионы, размещавшиеся в одном лагере в Могонциаке, и для финансирования своего предприятия позаимствовал средства, хранившиеся в лагерной кассе, Домициан запретил размещать более одного легиона в одном постоянном лагере (*Светоний*. Домициан. 7. 3). Правда, в Египте, в Никополе, некоторое время еще продолжали находиться два легиона.

Из 28 легионов, которые вошли в состав армии, реформированной Августом, со временем 8 были полностью уничтожены или распущены. Римские историки императорского периода ничего не сообщают о времени и обстоятельствах гибели этих легионов, за исключением тех трех, что были потеряны в 9 г. н. э. в Тевтобургском лесу. Это были XVII, XVIII, XIX легионы, которыми командовал Квинтилий Вар; они были уничтожены германцами под предводительством Арминия. Это было, пожалуй, самое сильное и горькое поражение легионов за все время Ранней империи.

О потере других пяти легионов можно судить только предположительно. I Германский и XVI Первородный (Primigenia), вероятно, были распущены в 70 г. н. э. за переход на сторону Цивилиса и, в отличие от IV Македонского и XVI Галльского, не были потом переформированы. V легион «Жаворонков», возможно, погиб в правление Домициана на Дунае в 85–86 гг. н. э., как и XXI «Хищный» (около 92 г. н. э.). IX «Испанский» и XXII Deiotariana предположительно были уничтожены во время Иудейского восстания в 132–135 гг. н. э. либо позднее, при Марке Аврелии в Армении, во время войны с парфянами в 161 г. н. э.

Потеря орла, которая традиционно считалась наивысшим позором для легиона, ведущим к его расформированию, известна для двух легионов. Это легион V Alaudae, потерявший его в 16 г. до н. э. в Германии (*Веллей Патеркул*. II. 97), и XII «Молниеносный», разбитый в 66 г. н. э. в Иудее (*Светоний*. Веспасиан. 4. 5). Но они не были распущены вследствие этой причины.

До середины III в. н. э. было создано 15 новых легионов.

НОВЫЕ ЛЕГИОНЫ, СОЗДАННЫЕ ПОСЛЕ АВГУСТА

Легион	Основатель и время формирования	Наименование и его значение	Эмблемы	Место дислокации
XVI Primigenia	Калигула, 39 г. н. э. или (менее вероятно) Клавдий, 42 г. н. э. для предполагаемого похода в Британию	«Первородный», т. е. заново созданный. Номер продолжает нумерацию легионов, расположенных в германских провинциях	Лев	Германия
XXII Primigenia	Калигула, 39 г. н. э. или (менее вероятно) Клавдий, 42 г. н. э. для предполагаемого похода в Британию	«Первородный», т. е. заново созданный. Номер продолжает нумерацию легионов, расположенных в германских провинциях	Козерог, Геркулес	Германия
I Italica	Нерон, 66 или 67 г. н. э. для планируемого похода к Каспийским воротам	«Италийский», т. е. набранный в Италии	Вепрь, Морской бык (Bos marinus)	Мезия со времени Веспасиана
I Adiutrix	Нерон, 68 г. н. э.	«Вспомогательный», набран из моряков Мизенского флота	Козерог, Пегас	Германия с Веспасиана до Домициана, Паннония при Домициане, Дакия в начале II в. н. э., затем Паннония

II Adiutrix	Вителлий, во время гражданской войны 69 г. н. э.	«Вспомогательный», набран из моряков Равеннского флота	Вепрь, Пегас	Британия при Флавианах, Паннония с Домициана
VII Hispana/Gemina	Гальба после провозглашения императором в 68 г., Испания	«Испанский» по месту набора, номер следует за легионом VI Hispaniensis. После восстановления в 70 г. н. э. и включения в его состав солдат из распущенных легионов стал именоваться «Сдвоенный»	?	Испания со времени Веспасиана
I Minervia	Домициан, 83 г. н. э.	«Минервия» в честь Минервы, которая была любимой богиней Домициана	Минерва, Баран	Германия со времени Домициана
II Traiana	Траян, 101 г. н. э. (?), для Дакийских войн	«Траянов» по имени императора. Номер указывает, что это был второй легион, созданный самим Траяном	Геркулес	Сирия при Траяне, Египет со времени Адриана

Легион	Основатель и время формирования	Наименование и его значение	Эмблемы	Место дислокации
XXX Ulpia	Траян, 101 г. н. э. (?), для Дакийских войн	«Ульпиев» по родовому имени императора (Марк Ульпий Траян). Номер указывает, что всего в римской армии стало 30 легионов	Нептун, Козерог, Юпитер	Паннония при Траяне, Германия с Адриана
II Italica	Марк Аврелий, 162—166 гг. н. э. во время Парфянской войны	«Италийский», т. е. набранный в Италии	Волчица, Козерог, Алст	Норик со времени Марка Аврелия
III Italica	Марк Аврелий, 162—166 гг. н. э. во время Парфянской войны	«Италийский», т. е. набранный в Италии	Алст	Реция со времени Марка Аврелия
I Parthica	Септимий Север, 197 г.	«Парфянский», предназначенный для войны с парфянами	?	Месопотамия со времени Септимия Севера
II Parthica	Септимий Север, 197 г.	«Парфянский», предназначенный для войны с парфянами	Кентавр	Италия со времени Септимия Севера
III Parthica	Септимий Север, 197 г.	«Парфянский», предназначенный для войны с парфянами	?	Месопотамия со времени Септимия Севера

В правление Септимия Севера (193–211 гг.) число легионов достигло максимума. Всего теперь насчитывалось 33 легиона, которые дислоцировались в 19 из 38 провинций. Это подтверждается надписью из Рима, в которой перечисляются 28 легионов в географическом порядке их размещения и в конце указаны новые легионы, сформированные при Марке Аврелии и Септимии Севере (ILS 2288).

Обзор размещения легионов в правление Севера дает римский историк Дион Кассий (LV. 23. 2–24. 1–5). Стоит привести его сообщение с небольшим комментарием. «В те вре-

мена, — пишет он, — насчитывалось двадцать три, а по другим данным, двадцать пять легионов⁶⁵, состоящих из граждан. На сегодняшний день⁶⁶ из них сохранились только девятнадцать, а именно Второй Августов, дислоцированный в Верхней Британии, три третьих легиона, а именно Галльский в Финикии⁶⁷, Киренаикский в Аравии, Августов в Нумидии; Четвертый Скифский в Сирии, Пятый Македонский в Дакии, два шестых легиона, в том числе один Победоносный в Нижней Британии, а другой Железный в Иудее; Седьмой (который обычно называют Клавдиевым) в Верхней Мёзии, Восьмой Августов в Верхней Германии, два десятых, один Сдвоенный в Верхней Паннонии, а другой в Иудее; Одиннадцатый Клавдиев в Нижней Мёзии (таким образом, два легиона были названы в честь Клавдия, так как они не выступили против него во время восстания Камилла); Двенадцатый Молниеносный в Каппадокии, Тринадцатый Сдвоенный в Дакии, Четырнадцатый Сдвоенный в Верхней Паннонии, Пятнадцатый Аполлонов в Каппадокии и Двадцатый (называемый также Валериевым Победоносным) в Верхней Британии. Последний легион, равно как и тот легион, что называется Двадцать вторым⁶⁸ и размещается в Верхней Германии, как мне кажется, Август принял и удерживал под своим командованием, пусть даже сейчас легион более не называется в его честь, да и раньше всегда назывался главным образом Валериевым. Таков перечень легионов, сохранившихся еще со времен Августа. Что же касается остальных, то они были либо вовсе распущены, либо включены Августом или его преемниками в состав других воинских частей, отчего и возникло наименование «Сдвоенный».

Коль скоро я взялся перечислять легионы, поведаю также о других ныне существующих войсках, перечисляя их в той последовательности, в какой они создавались императорами, правившими после Августа, дабы, если кто захочет что-либо узнать об этих частях, он нашел бы здесь все эти сведения, собранные воедино. Нерон набрал Первый легион, именуемый Италийским, который дислоцируется в Нижней Мёзии; Гальба создал Первый Вспомогательный с зимними квартирами в Нижней Паннонии и Седьмой Сдвоенный в Испании, Веспасиан — Второй Вспомогательный в Нижней Паннонии, Четвертый Флавиев в Верхней Мёзии и Шестнадцатый Флавиев в Сирии; Домициан — Первый Минервин в Нижней Германии, Траян — Второй Египетский⁶⁹ и Тридцатый Германский⁷⁰, причем каждому из двух он присвоил также свое имя⁷¹; Марк Антонин — Второй в Норике и Третий в Реции, которые именуются Италийскими; Север — Первый и Третий Парфянские в Месопотамии и, кроме того, Второй Парфянский в Италии⁷².

Таков перечень легионов, в которых несут службу воины, набираемые по призыву из граждан...»⁷³

⁶⁵ Обе цифры неверны. Всего в 5 г. н. э. было 28 легионов, из которых в 9 г. три были уничтожены при разгроме Вара в Тевтобургском лесу. Дион повторяет эту ошибку в LV. 24. 5.

⁶⁶ Дион указывает дислокацию легионов не для времени Августа, но для начала III в.

⁶⁷ То есть в провинции Сирия Финикийская.

⁶⁸ Это был XXII Первородный (Primigenia) легион, сформированный Калигулой. Таким образом, из 28 легионов, существовавших при Августе, Дион не упоминает следующие: I Августов (который был лишен Агриппой своего почетного наименования за мятеж в 19 г. до н. э. — LIV. 11. 5, а потом распущен Веспасианом в 70 г. н. э.), IV Македонский (впоследствии переименованный Веспасианом в IV Флавиев), V легион Жаворонков (Alaudae), IX Испанский, XVI Галльский (переименованный в XVI Флавиев), XVII, XVIII и XIX легионы (уничтоженные при разгроме Вара), XXI Хищный (Rarax) и XXII Дейотарианов (вероятно, уничтоженный во время восстания Бар Кохбы при Адриане).

⁶⁹ Это не было его официальным наименованием. Дион называет его так, потому что этот легион, созданный для войны в Дакии, с правления Адриана дислоцировался в Египте.

⁷⁰ Дион называет его так, потому что с правления Адриана он дислоцировался в Нижней Германии.

⁷¹ Соответственно, II Traiana и XXX Ulpia.

⁷² Созданный, как и два других Парфянских легиона, для войны с Парфией, этот легион с 202 г. н. э. дислоцировался в районе Альбанской горы, но регулярно сопровождал императора в походах, являясь, по сути дела, особой гвардейской частью.

⁷³ Дион, вероятно, имеет в виду, что запись на службу в легионы осуществлялась в соответствии с официальными

Некоторые легионы, как можно видеть из приведенных данных, прочно укоренились в местах постоянной дислокации. III Августов легион, размещенный в провинции Африка в 30 г. до н. э., со времен Траяна имел лагерь в Ламбезе и находился там вплоть до своего временного роспуска в 238 г. н. э. Легион XIV Сдвоенный базировался в провинции Верхняя Паннония в Карнунте с 114 г. н. э. вплоть до падения Римской империи. Легион VII Сдвоенный, набранный из римских граждан в Испании Гальбой в начале гражданской войны 68–69 гг., после своего возвращения в эту провинцию в 75 г. оставался в ней до конца IV в., базируясь в городе, который так и стал называться Легион (современный Леон).

События «года четырех императоров» (69 г. н. э.) показывают, что сформировать новые легионы было не так просто, даже если ставки были высоки. В этот год, когда за императорскую власть боролись четыре претендента, были созданы только 4 новых легиона (из них два были позже распущены Веспасианом). Два из них были набраны из моряков флота, что указывает на ограниченность людских ресурсов.

Очевидно, что императоры дорожили легионами, только в крайних случаях прибегали к роспуску тех из них, которые запятнали себя предательством. Создание каждого нового легиона, очевидно, требовало серьезных затрат и организационных усилий, и, пожалуй, главной проблемой было найти готовых и способных служить под сенью легионных орлов. К рассмотрению вопросов комплектования легионов мы и переходим.

Глава 6

Легионы Империи: порядок набора, социальный и этнический состав

*«Многих лагерь манит, – зык перемешанный
И рогов, и трубы, и ненавистная
Матерям всем война».*

(Гораций. Оды. I. 1. 23–25)

«Благо государства в целом зависит от того, чтобы новобранцы набирались самые лучшие не только телом, но и духом; все силы империи, вся крепость римского народа основываются на тщательности этого испытания при наборе. Ведь молодежь, которой должна быть поручена защита провинций и судьба войн, должна отличаться и по своему происхождению... и по своим нравам».
(Вегетий. Краткое изложение военного дела. I. 7)

В разные исторические времена у разных народов привлекательность военной службы не была одинаковой. Она, безусловно, зависела от многих факторов, таких как характер и интенсивность войн, которые вело государство в тот или иной период своей истории, общие культурно-исторические и, собственно, военные традиции народа, материально-бытовые условия службы, ее государственная значимость и престижность в обществе. Древний Рим не был в этом отношении исключением, и в его истории отношение граждан к исполнению своего воинского долга было различным. Если на ранних этапах развития римского государства для большинства римлян ежегодные военные походы были столь же неотъемлемой частью их жизни, как и повседневные хозяйственные заботы и государственные дела, то начиная примерно с последней трети II в. до н. э. неоднократно возникали ситуации, когда с великим трудом, прибегая к весьма крутым мерам, удавалось комплектовать легионы, а в период гражданских войн от призыва в армию некоторые предпочитали скрываться даже в эргастулах – специальных тюрьмах для рабов (Светоний. Тиберий. 8). Однако в истории Рима было и такое время, когда ряды легионеров стали пополняться преимущественно добровольцами, которых не смущали неизбежные лишения, тяготы и риски военной жизни. Это время началось с военной реформы Гая Мария, осуществленной в самом конце II в. до н. э. и, в частности, открывшей дорогу в легионы неимущим римским гражданам. Но в наибольшей степени принцип добровольного комплектования реализуется в эпоху принципата, после преобразований, проведенных в римской военной организации Октавианом Августом и сделавших армию действительно профессиональной.

Понятно, что в первую очередь по собственной воле поступали в войско те, кто рассчитывал улучшить свое материальное положение за счет регулярного и достаточно высокого жалованья, разного рода социальных и юридических льгот, доли в добыче и императорских подарков, вознаграждения, получаемого по выходе в отставку. Привлекали этих людей также возможности карьеры, которая могла возвысить простолюдина в социальном плане: простой плебей, став легионером и дойдя до чина первого центуриона (примипила), попадал во всадническое сословие, провинциал или вчерашний варвар, выходя в отставку после 25-летней службы во вспомогательных войсках, получал в награду права римского гражданства для себя и своей семьи. Кого-то записаться в армию побуждали семейные традиции, пример

отцов и старших братьев. Были, возможно, и те, у кого ко всем этим мотивам добавлялись вера в Рим, презрение к варварам и мятежникам. Не следует недооценивать и мотивы психологические, можно даже сказать, романтические. Кому-то претила рутина и скука обычной жизни и хотелось увидеть мир, отличиться на военном поприще, проверить себя в нелегких испытаниях, прославиться и т. д. О таких людях во времена Августа говорили, что они родились под знаком Скорпиона: по словам автора астрологической поэмы Марка Манилия, они жаждут битв и лагерей Марса и даже мирное время проводят с оружием в руках, любят военные игры и потехи, посвящают свой досуг изучению связанных с оружием искусств (Астрономика. IV. 217–229).

Конечно, переход к принципу добровольности имел свои издержки. Далеко не всегда по собственной воле в легионы записывались действительно подходящие люди. Это хорошо понимал император Тиберий, который говорил: «Добровольно поступающих на военную службу мало, а если бы таких и оказалось достаточно, они не выдерживают никакого сравнения с воинами, пришедшими по призыву, ни в доблести, ни в дисциплине, потому что по собственному желанию вступают в войска преимущественно бедняки и бродяги, которые не в состоянии были проявить старинную доблесть и дисциплинированность» (*Тацит. Анналы. IV. 4*). (Тацит в другом месте с пренебрежением отзывается и о столичной черни, которая попадает в легионы, – *Анналы. I. 31*.) Этому убеждению вряд ли противоречит точка зрения, излагаемая в речи Мецената в «Истории» Диона Кассия, согласно которой военную службу должны нести самые крепкие и самые бедные, они же и самые беспокойные элементы. Конечно, к началу III в. ситуация изменилась, но все же Дион акцентирует не столько бедность, сколько врожденную воинственность, полагая, что именно военная служба лучше всего может отвратить этих людей от занятий грабежами, направив их энергию в общественно полезное русло (*Дион Кассий. LII. 14; 27. 1–5*).

Легионер в одежде для холодной погоды (середина – вторая половина I в. н. э.).

Вопрос о качественном пополнении вооруженных формирований, бесспорно, имеет ключевое значение для эффективности армии, и римляне прекрасно отдавали себе в этом отчет. Для профессиональной дорогостоящей армии данный вопрос был особенно важен, и императорское правительство уделяло ему первостепенное внимание. Вегеций неслучайно именно с этого вопроса начинает свое сочинение (I. 1), подчеркивая, что по сравнению с другими народами, отличавшимися физической мощью, многочисленностью, хитростью и богатством либо теоретическими познаниями, римляне «всегда выигрывали тем, что умели искусно выбирать новобранцев...». Характерно, что Вегеций подчеркивает единство социальных, физических и моральных критериев отбора новобранцев: «Благо государство в целом зависит от того, чтобы новобранцы набирались самые лучшие не только телом, но и духом; все силы империи, вся крепость римского народа основываются на тщательности этого испытания при наборе. Ведь молодежь, которой должна быть поручена защита провинций и судьба войн, должна отличаться и по своему происхождению... и по своим нравам» (*Вегеций*. I. 7).

Подробно рассуждая о том, из каких провинций и народов, из каких социальных и профессиональных групп лучше набирать солдат, он высказывает убеждение, что в качестве солдат сельские жители однозначно предпочтительнее горожан, подверженных соблазнам городской жизни (*Вегеций* I. 3). В этом отношении он следует давнему устойчивому убеждению. Еще Катон Старший утверждал, что именно из земледельцев выходят лучшие граждане и наиболее храбрые воины (О земледелии. Предисловие. 4). По словам Колумеллы (О сельском хозяйстве. Предисловие. 17), «истинные потомки Ромула, проводившие время на охоте и в полевых трудах, выделялись физической крепостью; закаленные мирным трудом, они легко переносили, когда требовалось, воинскую службу. Деревенский народ всегда предпочитали городскому».

Вегеций отдает предпочтение тем, кто занят тяжелым трудом (кузнецам, тележным мастерам, мясникам, охотникам), и категорически заявляет, что нельзя допускать к военной службе рыболовов, кондитеров, пекарей и всех, кто связан с женскими покаями (I. 7; ср. II. 5). Этот пассаж можно сопоставить с указом Грациана, Валентиниана и Феодосия от 380 г. (Кодекс Феодосия. VII. 13. 8), в котором указывается, что в элитные части не должен попадать никто из числа рабов, кабатчиков, служителей увеселительных заведений, поваров и пекарей, а также тех, кого от военной службы отделяет «позорное угождение». Действительно, в юридических источниках мы находим немало указаний на категории лиц, которым военная служба прямо возбранялась. По словам правоведа Аррия Менандра, если военным становится тот, кому это запрещено, это считается тяжким уголовным преступлением, и кара за него, как и при других преступных деяниях, усиливается в зависимости от присвоенного достоинства, ранга и рода войск (Дигесты. 49. 16. 2. 1). Прежде всего запрет на военную службу относился к рабам. Согласно римскому праву, «рабам возбраняется всякого рода военная служба под страхом смертной казни» (Дигесты. 49. 16. 11). Плиний Младший в бытность наместником провинции Вифиния столкнулся с тем, что среди новобранцев, уже успевших принести присягу, оказалось двое рабов. На его вопрос, как следует с ними поступить, император Траян ответил, что следует выяснить, каким образом они попали в армию. «Если они взяты по набору, то это ошибка тех, кто производил расследование; если же они явились сами, зная о своем состоянии, наказать следует их» (*Плиний Младший*. Письма. X. 30–31). Впрочем, на практике смертная казнь к рабам, теми или иными путями оказавшимся в армии, могла и не применяться, однако срок давности у данного преступления, по всей видимости, отсутствовал, и даже успешная служба не являлась смягчающим обстоятельством. Об этом может свидетельствовать сообщение Диона Кассия о том, что Домициан, будучи в 93 г. цензором, вернул господину некоего Клавдия Паката, который дослужился уже

до звания центуриона, после того как было доказано, что он является рабом (*Дион Кассий*. LXVII. 13. 1). Вольноотпущенники также не могли служить в легионах.

Из числа свободных на военную службу не принимались, в частности, лица, пораженные в правах: уголовные преступники, приговоренные к растерзанию дикими зверями на арене, сосланные на острова с лишением прав, обвиняемые в тяжких уголовных преступлениях, включая тех, кто обвинялся по закону Юлия о прелюбодеяниях (*Дигесты*. 49. 16. 4. 1–2; 7). Более того, вступление на военную службу возбранялось также и тем лицам, чей юридический статус оспаривался, хотя в действительности они являлись свободными, независимо от того, решался ли вопрос о потере или приобретении ими свободы. Кроме того, не имели права быть зачисленными на военную службу и те свободные, которые добровольно находятся в услужении, а также выкупленные от врагов, до тех пор пока они не уплатят внесенной за них суммы (*Дигесты*. 49. 16. 8).

Для службы в легионах основополагающим критерием было наличие римского гражданства. При записи в легион требовалось принесение особой клятвы: как показывает папирус, датируемый 92 г., новобранец должен был поклясться, что является свободнорожденным римским гражданином и имеет право служить в легионе (P. Fay. Barns 2 = CPL, 102 = Daris, 2).

Главной целью императорского правительства был набор не просто солдат, но хороших солдат. Именно эту цель, кстати сказать, преследовали созданные императором Траяном алиментарные фонды, которые предназначались для содержания почти 5000 сирот, рожденных в Италии, в небогатых плебейских семьях. По словам Плиния Старшего (*Панегирик Траяну*. 28), они содержались на общественный счет в качестве запасного войска на случай войны. О том, что данная установка на качественное рекрутирование и на поддержание высокого престижа, морального авторитета военной службы в эпоху принципата достаточно последовательно проводилась в жизнь, свидетельствует ряд фактов. В частности, со времени Августа утвердилась практика предоставления рекомендательных писем теми, кто желал поступить на службу в легион или получить более выгодное место службы. Эти письма, как правило, писались родственниками или знакомыми, занимавшими те или иные командные должности, на имя военного начальника. Это требовалось не только от претендующих на офицерскую должность, но, как показывают сохранившиеся папирусные документы, такие письма (*epistulae (litterae) commendaticiae*) имели существенное значение даже для рядовых новобранцев. Сохранилось, например, датируемое II в. н. э. письмо бенефициария Аврелия Архелая легионному трибуну Юлию Домицию с рекомендацией молодого человека по имени Теон (P. Oxy. I, 32 = CPL, 249). Среди папирусов Мичиганской коллекции (P. Mich. VIII 467–468 = CPL, 250–251 = Daris, 7) известны письма начала II в. н. э., в которых солдат флота Клавдий Теренциан пишет отцу домой о своем желании стать легионером, но замечает, видимо, получив неудачную рекомендацию, что даже рекомендательные письма не будут иметь необходимого значения без денег и хороших связей. А вот судя по письму солдата Юлия Аполлинария, он получил столь хорошие рекомендации, что сразу стал иммунном, то есть солдатом, освобожденным от тяжелых работ, и мог наблюдать, как его менее удачливые товарищи ворочают камни на жаре (P. Mich. 466). Таким образом, те новобранцы, которым не удалось запастись надежными рекомендациями, не могли рассчитывать на быструю и успешную карьеру.

Итак, новобранцы могли предложить себя в качестве добровольцев – и на них в первую очередь делали ставку власти – или быть взятыми по набору (их называли конскриптами от слова *conscriptio* – «призыв, запись на службу»). Нужно иметь в виду, что воинская повинность и конскрипция для римских граждан в эпоху Империи никогда не отменялись. Более того, вопреки распространенной точке зрения, что после реформ Мария, исключая период гражданских войн, легионы формировались преимущественно из добровольцев, П. Брант,

тщательно исследовавший этот вопрос, пришел к выводу, что по крайней мере до II в. н. э. конскрипция была гораздо более распространенной, чем принято считать⁷⁴. Окончательное торжество принципа добровольности (правда, на сравнительно недолгий срок) стало, по мнению Бранта, результатом распространения во второй половине II в. местного набора в легионы и общего улучшения условий службы, осуществленного благодаря политике Северов. К конскрипции прибегали прежде всего в критических ситуациях, как, например, в 6 г. н. э., когда вспыхнуло мощное восстание в Паннонии, или после разгрома легионов Вара в Тевтобургском лесу (9 г. н. э.). Точно определить соотношение между добровольцами и «призывниками» невозможно.

Так или иначе, в императорское время продолжало действовать правило: более тяжким преступлением является уклонение от воинской службы, чем домогательство ее (Дигесты. 49.16. 4. 10).

Существовали и так называемые викарии – это те, кто соглашался заменить собой обязанного идти на военную службу, очевидно, на определенных условиях. Впервые такие «охотники» упоминаются в письме императора Траяна Плинию Младшему (*Плиний Младший*. Письма. X. 30). Очевидно, что должностные лица, проводившие набор в войско, могли злоупотреблять своим положением, брать взятки. Известно, что с коррупцией при проведении наборов в армию пытался бороться еще Цезарь, предложивший в 59 г. до н. э. закон о вымогательствах, согласно которому получение взятки при наборе в армию рассматривалось и каралось как опасное должностное злоупотребление (Дигесты. 47. 11. 6. 2). В правление Нерона из сената был исключен Педий Блез, наместник Киренаики, бравший взятки и допускавший злоупотребления при наборе войска (*Тацит*. Анналы. XIV. 18).

Рассмотрим теперь, каким образом был организован набор новобранцев в армию. Процедура эта называлась *dilectus* (дословно «отбор»). В провинциях ответственными за его проведение в обычных условиях были наместники, а в Италии специально назначаемое императором должностное лицо – *dilectator*, направлявшиеся на места в сопровождении внушительного эскорта легионеров, иногда из соседних провинций (АЕ 1951, 88). В тех случаях, когда возникала нужда срочно набрать пополнение, назначали и особых чиновников по набору новобранцев (*legati ad dilectum* или *inquisitores*). Набор пополнения обычно проводили в зимние месяцы как наиболее спокойные в военном отношении.

Обычно в легионы записывали молодых людей в возрасте от 17 до 20 лет⁷⁵. Император Адриан, как пишет его биограф, «вынес решение относительно возраста воинов, чтобы никто не находился в лагере – в нарушение древнего обычая, – будучи моложе того возраста, которого требует мужественная доблесть, или старше того, который допускается человечностью» (*Писатели истории Августов*. Адриан. 10. 8). Верхним пределом был возраст 35 лет.

Существовали определенные требования относительно роста новобранцев – не ниже 1,65 м для легионера, а для воинов 1-й когорты – не менее 1,72 м (*Вегетий*. I. 15). Проверялось и зрение, и общее физическое состояние, а также, по-видимому, и знание латыни, умение читать, писать и считать, что было важно для отбора солдат на канцелярские должности.

Молодой человек, вступающий в армию, проходил сначала через особую комиссию по отбору новобранцев (*probatio*) и, если признавался годным по своим физическим, социальным качествам и правовому статусу, на четыре месяца становился новобранцем (*tiro*). По истечении этого срока и прохождения своего рода «курса молодого бойца» (*tirosinium*) он вносился в списки части и получал металлический жетон (*signaculum*), подвешивае-

⁷⁴ Brunt P. A. Conscription and volunteering in the Roman imperial army//Scripta Classica Israelica. 1974. Vol. I. P. 90–115; Idem. Italian Manpower, 225 B. C. – A. D. 14. Oxford, 1987. P. 391 ff.; 408–415.

⁷⁵ Scheidel W. Inschriftenstatistik und die Frage des Rekrutierungsalters römischer Soldaten//Chiron. 1992. Bd. 22. S. 281–297.

мый на шнурке на шею. После этого новых воинов приводили к присяге (*iusiurandum* или *sacramentum*).

Таким образом, условия приема в легионы были достаточно строгими. С точки зрения властей, репутация римского солдата должна была быть если не безукоризненной, то по крайней мере почтенной. Ужесточение критериев отбора новобранцев, как и усложнение самой процедуры *dilectus*'а, несомненно, объясняется также сложной организацией и иерархической структурой римских вооруженных сил, необходимостью тщательной и длительной подготовки профессиональных солдат⁷⁶. Поэтому, оценивая это направление военной политики императоров в целом, можно говорить об их желании видеть римских легионеров воинами, действительно отборными по своим личным качествам, сознающими ответственность за свою высокую миссию. Без этого невозможно было применить стратегию и тактику, составлявшие мощь Рима⁷⁷.

Ежегодно для пополнения 30 легионов требовалось от 7500 до 10 000 новобранцев, примерно столько же – для вспомогательных войск и флота, то есть всего примерно 15 000 новых рекрутов, что при населении Римской империи в 60–70 млн человек составляло около 2,5 % 20-летних молодых людей, проживавших в Римской державе. Конечно, нельзя забывать о региональной специфике: в приграничных провинциях и зонах базирования воинских частей на военную службу поступало гораздо большее число молодых людей, нежели из внутренних, «мирных» провинций. Но в целом, как мы видим, число необходимых рекрутов было сравнительно небольшим. И если и возникали трудности с их набором, то это объясняется прежде всего установкой на качественное пополнение. Естественно, что в периоды крупномасштабных войн, когда были высоки потери и возникала необходимость формирования новых частей, потребность в новобранцах значительно возрастала. В правление Марка Аврелия (161–180 гг. н. э.), когда к тяжелейшим войнам на Дунае прибавилось такое испытание, как опустошительная эпидемия чумы, были набраны два новых легиона (II и III Италийские). Это потребовало увеличения набора по меньшей мере до 50 000 человек на протяжении нескольких лет.

Стоит обратить внимание и на тот факт, что новые легионы, формировавшиеся в период Империи в тех или иных кризисных внутри- и внешнеполитических ситуациях, набирались преимущественно в Италии⁷⁸, несмотря на то что со времен Веспасиана все меньше и меньше италийцев обнаруживается среди рядовых легионеров в провинциальных войсках. Но сам факт формирования новых легионов именно на территории Италии обуславливался, наверное, не только тем, что император, находясь в Риме, мог в чрезвычайной ситуации быстрее всего набрать новые войска за счет призыва италийцев, но и сохранением определенных стереотипов мышления, суть которого заключается в том, что легионы рассматривались как род войск, предназначенный для римских граждан, которые в силу своего статуса подлежат всеобщей воинской повинности и в первую очередь обязаны защищать Римскую державу.

В обычных условиях легионеры набирались в разных частях Империи. Общие тенденции заключались в следующем. На протяжении I в. н. э. преобладает практика набора легионеров в разных провинциях. В западной части Империи в это время, при постепенном сокращении числа италийцев, увеличивается доля выходцев из наиболее богатых и романизированных провинций (Африки, Македонии, Нарбоннской Галлии, Бетики). На востоке

⁷⁶ Ле Божэ Я. Римская армия эпохи Ранней империи: Пер. с франц. М., 2001. С. 93–94; 106–107.

⁷⁷ Махлаук А. В. Дихотомия *civis – miles* в Риме позднереспубликанского и императорского времени // Вестник ННГУ. Серия. История. 2003. Вып. 1 (2). С. 5–27.

⁷⁸ Mann J. C. The Raising of New Legions during the Principate // Hermes. 1963. Bd. 91. P. 483–489. Кроме II и III Италийских, набранных Марком Аврелием около 165 г., это, в частности, были I Италийский легион, созданный Нероном для похода к Каспийским воротам, три Парфянских легиона, сформированных Септимием Севером.

державы с самого начала преобладают уроженцы восточных провинций. По мере оседания легионов в постоянных лагерях происходит переход к региональному набору, когда легионы пополняются за счет жителей данной провинции или немногих соседних областей. С начала II в. н. э. начинается постепенный переход к новой модели набора, которую можно назвать локальной: новобранцы набираются из городов, ближе всего расположенных к месту дислокации легиона, и непосредственно из окрестностей постоянного лагеря.

Судя по эпиграфическим данным, если в правление Августа уроженцы Апеннинского полуострова составляли около 65 % легионеров, то ко времени Веспасиана (69–79 гг. н. э.) их число сократилось примерно до 20 %, а при Адриане (117–138 гг.) выходцев из Италии в легионах практически не осталось. У античных авторов причины этого процесса связываются с установлением единовластия, которое, обеспечив мир и защиту границ, оградило италийцев от трудов, что лишило их воинственности (*Геродиан*. II. 11. 3 слл.; *Тацит*. История. I. 11; *Дион Кассий*. LVI. 40. 2; LII. 27; *Аврелий Виктор*. О Цезарях. 3. 14). Современными исследователями предлагаются различные объяснения. Одни фактически разделяют мнение древних о том, что после гражданских войн италийцы утратили воинский дух, или же принимают старую версию о том, что италийцы были сознательно отстранены от военной службы Веспасианом и его преемниками по политическим мотивам. Другие считают, что власти руководствовались стремлением сохранить население Италии и избежать непопулярности в связи с проведением наборов, вызывавших ненависть населения, которое не желало покидать комфортную привычную жизнь на родине ради службы в отдаленных провинциях. П. Брант полагает, что отказ от привлечения италийцев связан с заинтересованностью властей в локальном наборе, который гораздо успешнее обеспечивал приток солдат-добровольцев и позволял экономить средства на транспортных расходах. Не сбрасывает он со счетов и обескровленность Италии гражданскими войнами⁷⁹.

В легионы, дислоцировавшиеся в провинциях, набирали пополнение из романизированных общин и римских колоний, расположенных поблизости с постоянным лагерем. Немало новобранцев давали канабы – поселки, возникавшие вокруг постоянных легионных лагерей и крепостей, населенные торговцами, ремесленниками и прочим людом, обслуживавшим разнообразные потребности воинов и их неофициальных семей. Здесь же часто после отставки селились выходившие в отставку ветераны. Сыновья, родившиеся в таких семьях легионеров, достаточно охотно поступали на службу и получали гражданство при записи в легионы. Их происхождение обозначалось словом *castris* («из лагеря»), и постепенно они стали составлять значительную часть новобранцев. Однако в некоторых провинциях, таких как Британия или Германия, возможности местного рекрутирования были ограничены. Например, в Африке еще в конце I в. н. э. до 60 % легионеров были неместного происхождения, а позже большинство происходили из восточной части провинции, а не из самой Нумидии, где дислоцировался III Августов легион.

⁷⁹ Brunt P. A. Italian Manpower... P. 414; Idem. Conscription and volunteering... P. 103–107.

Солдат. III в. н. э.

В восточных провинциях и в самый ранний период было немного легионеров из Италии и западных провинций. В основном они происходили из эллинизированных районов Сирии и Малой Азии. Но и здесь существовали вариации. Так, например, во II в. н. э. III Киренаикский легион, стоявший в Аравии, пополнялся рекрутами из менее эллинизированных и даже семитоязычных районов вокруг его базы в Босре. Ситуация в Египте не ясна. В ранний период новобранцы происходили главным образом из Галатии и Малой Азии; выходцев из западных провинций и самого Египта было немного. Во II в. *castris* постепенно стали здесь существенным источником пополнения. В X легион *Fretensis*, понесший серьезные потери во время Иудейской войны 66–70 гг., в 68–69 гг. были набраны египтяне, которые обычно не призывались на службу за пределами Египта. Напротив, надпись из Египта показывает происхождение 130 новобранцев, записанных во II Траянов легион в 132 и 133 гг., вероятно, после потерь, понесенных в ходе иудейского восстания 132–135 гг. Здесь нет ни одного жителя Египта, 88 происходят из Африки, 15 из Италии (в том числе и самого Рима), 1 из Далмации, 7 из Малой Азии, 19 из Сирии и Палестины (AE 1969–1970, 633; 1955, 238). В случае подготовки крупных военных предприятий легионы и другие части пополнялись, больные и старые военнослужащие могли увольняться в отставку. Например, в 58 г. Корбулон, назначенный командовать против парфян, уволил из сирийских легионов слишком возрастных и негодных солдат и провел набор в Галатии и Каппадокии. Во время гражданской войны 68–69 гг. противники набирали пополнение из разных источников. Вителлий поспешно набрал жителей Галлии и Германии, часть из которых даже не была римскими гражданами (*Тацит. История. II. 21*). Легионы I и II Вспомогательный были созданы на основе частей, сформированных из моряков Мизенского и Равеннского флотов.

Таким образом, многое зависело от конкретных обстоятельств места и времени.

В целом же современные исследования показывают, что по своему социальному происхождению легионеры отнюдь не относились к деклассированным низам общества, но в массе своей представляли верхушку провинциального плебса, ранее всего романизированные слои населения⁸⁰. И это было результатом сознательной политики набора, ориентированного на качество.

Однако в глазах правящей элиты солдаты были низкородной, малограмотной, потенциально опасной массой. Легионеры могли восприниматься как варвары. Впечатляющую картину рисует Тацит, рассказывая о пребывании солдат Вителлия в Риме (*История. II. 88*): «Одетые в звериные шкуры, с огромными дротами, наводившими ужас на окружающих, они представляли дикое зрелище. Непривычные к городской жизни, они то попадали в самую гущу толпы и никак не могли выбраться, то скользили по мостовой, падали, если кто-нибудь с ними сталкивался, тут же разражались руганью, лезли в драку и, наконец, хватались за оружие». Дион Кассий укоряет Септимия Севера тем, что он, открыв доступ в гвардию легионерам (имеются в виду главным образом паннонцы, которые для Диона вообще суть воплощение варварства), наполнил город разношерстной толпой солдат самого дикого вида, с ужасающей речью и грубейшими манерами (LXXIV. 2. 6). В глазах преторианцев провинциальные легионеры предстают peregrini (т. е. неримлянами) и чужеземцами (*Тацит. История. II. 21*). В надписи Гая Манлия Валериана из Аквилеи (вероятно, II в.) говорится, что он «достойно командовал преторианской когортой, а не в варварском легионе» (ILS 2671).

⁸⁰ Ле Бож Я. Указ. соч. С. 133.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.